

ДИАНА ГЭБЛДОН

СТРЕКОЗА В ЯНТАРЕ

КНИГА 2

ВРЕМЯ
СРАЖЕНИЙ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Стрекоза в янтаре.
Книга 2. Время сражений**

«ЭКСМО»

1992

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Стрекоза в янтаре. Книга 2. Время сражений / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 1992 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-82380-2

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Клэр, больше не в силах скрывать тайны прошлого, рассказывает Брианне и Роджеру, что же на самом деле произошло в тот злополучный год в Шотландии. Политические интриги, шпионаж, предательство и цепь убийств вынуждают Клэр и ее мужа, Джейми Фрэзера, покинуть дворец Людовика XV и отправиться к болотам Шотландии и пропитанным кровью землям при Каллодене. Но ужасная ловушка обстоятельств возвращает Клэр обратно в будущее, где ее ждут долгие поиски правды и еще более шокирующие откровения. Хватит ли сил Клэр Рэндолл, чтобы выдержать все испытания и вернуть любимого?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-82380-2

© Гэблдон Д., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Часть пятая	6
Глава 30	6
Глава 31	14
Глава 32	22
Глава 33	27
Глава 34	37
Глава 35	41
Часть шестая	50
Глава 36	50
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Диана Гэблдон
Стрекоза в янтаре.
Книга 2. Время сражений

Diana Gabaldon
Dragonfly In Amber

Copyright © 1992 by Diana Gabaldon
© Жабина Н., перевод на русский язык, 2012
© Серебрякова Л., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке. ООО Издательство «Э», 2015

Часть пятая

Я возвращаюсь домой

Глава 30

Лаллиброх

Это место было названо Брох-Туарахом в честь высокой каменной башни, построенной несколько веков назад. Она возвышалась над склоном горы, позади нашего имения. Люди, которые жили здесь, называли его Лаллиброхом. Насколько я понимаю, это должно было означать «Ленивая башня». Но также и «Башня, обращенная на север».

– Как может круглое сооружение смотреть на север? – спросила я, когда мы медленно спускались по узкой извилистой каменистой тропе, поросшей вереском, – тропа была протоптана оленями, и ехать по ней можно было только цепочкой, друг за другом. – У башни же не бывает фасада.

– У нее есть дверь, – резонно возразил Джейми, – и она смотрит на север.

Он остановил свою лошадь у крутого спуска и свистнул, подавая какой-то сигнал лошадям, которых вел за собой. Мускулистые четвероногие сразу же сбились в кучу, теперь их поступь изменилась, они осторожно вытягивали переднее копыто на несколько сантиметров вперед, ощупывая болотистую почву, сменившую каменистую тропу, и только после этого решались сделать очередной шаг. Лошади, купленные в Инвернесе, были крупными и красивыми. Выносливые маленькие пони, распространенные в горных районах Шотландии, больше бы подошли для этих дорог, но эти лошади, все кобылы, были предназначены для выведения лучшей породы, а не для работы.

– Ладно, – сказала я, переступая через маленькую канаву с водой, пересекающую оленью тропу. – Прекрасное объяснение. Но почему Лаллиброх? Почему башня называется ленивой?

– Она слегка отклонилась от центра, – ответил Джейми.

Мне была хорошо видна его голова, чуть наклоненная вперед – он внимательно следил за дорогой, – и несколько прядей золотисто-рыжих волос, развевающихся на ветру.

– Это трудно увидеть сразу, но если взглянуть на нее с западной стороны, то можно заметить, что она слегка наклонилась к северу. А если смотреть через одну из щелей, расположенных над дверью на верхнем этаже, то не увидишь основания башни по той же самой причине.

– Полагаю, что в тринадцатом веке еще не знали об отвесах, – заметила я. – Поэтому приходится только удивляться, что она до сих пор не упала.

– О, она падала, и не раз, – заметил Джейми, повышая голос из-за усиливающегося ветра. – Люди, жившие здесь, снова поднимали ее, поэтому она и находится сейчас в наклонном положении.

– Я вижу ее! Я вижу ее! – раздался из-за моей спины голос Фергюса, дрожащий от волнения.

Ему было разрешено остаться верхом, так как его вес не слишком обременял лошадь. Оглянувшись назад, я увидела, как он прыгает в седле, крича и размахивая руками. Его лошадь, спокойная, терпеливая кобыла, была несколько озадачена необыкновенным поведением седока, но не пыталась сбросить его в растущий вдоль дороги вереск. После происшествия с першеронским жеребцом в Аржантане Фергюс использовал любой шанс, чтобы взобраться в седло. Джейми, исполненный понимания и жалея парнишку, потакал маленькому любителю лошадей: сажал позади себя в седло во время своих дальних и близких поездок и

разрешал кататься на каретных лошадях Джареда, больших и сильных, которые лишь удивленно прядали ушами в ответ на крики и пинки Фергюса.

Я напрягла зрение и посмотрела вдаль. Он был прав. Сидя высоко, мальчик смог различить темный силуэт старинной каменной башни. Родовое имение, расположенное на более низком уровне, увидеть было трудно. Построенное из белого камня, оно отсвечивало на солнце, сливаясь с окружавшими его ячменными полями, а кроме того, лесополоса, защищающая поле от ветра, скрывала Лаллиброх от наших глаз.

Я заметила, что Джейми тоже вытянул шею, и поняла, что он увидел свой дом. Он постоял с минуту молча, не двигаясь, широко расправив плечи. Ветер трепал его волосы и яркий шотландский плед. Складки пледа вздувались на ветру, и казалось, что Джейми вот-вот поднимется над землей и станет радостно парить в вышине, подобно воздушному змею.

Это напомнило мне о том, как ветер раздувает вокруг паруса кораблей, готовых покинуть Гавр. Я стояла на пристани, наблюдая суматоху, царящую вокруг прибывающих и отбывающих судов. Чайки сновали среди мачт, их пронзительные крики сливались с голосами матросов.

Джаред Мунро Фрэзер стоял рядом со мной, с удовлетворением наблюдая за разгрузкой приплывшего по морю богатства, часть которого принадлежала ему. Среди пришвартованных у причала судов был и один из его собственных – «Портиа», который должен был доставить нас в Шотландию. Джейми сказал мне, что все корабли Джареда носили имена его любовниц и были украшены похожими на них деревянными головками. Я шурилась от ветра, вглядываясь в фигурку на носу корабля, пытаюсь выяснить, правда ли это, или Джейми просто подшутил надо мной. Если нет, решила я, то, по-видимому, Джаред щедро одаривал своих женщин.

– Я буду скучать по вам обоим, – произнес Джаред в четвертый раз за последние полчаса.

Он действительно выглядел огорченным, даже нос сейчас не был, по обыкновению, задорно задран вверх. Его поездка в Германию прошла удачно, о чем свидетельствовали и шейный платок, заколотый булавкой с огромным бриллиантом, и роскошное бархатное пальто бутылочного цвета с серебряными пуговицами.

– Ну ладно. Хотя мне очень не хочется расставаться с вами, я не могу лишиться вас радости вернуться домой. Возможно, я навещу вас, дорогая. Давненько мне не случилось бывать в Шотландии.

– Мы тоже будем скучать по тебе, – сказала я вполне искренне.

Здесь оставались и другие люди, по которым я буду скучать: Луиза, матушка Хильдегард, герр Герстман и, конечно же, господин Раймон. Тем не менее мне не терпелось вернуться в Шотландию, в Лаллиброх. К тому же в Париже жили люди, с которыми мне совершенно не хотелось встречаться. Король Людовик, например.

Или Карл Стюарт. Осторожные попытки Джейми выяснить настроение якобитов во Франции подтвердили правильность сложившегося у него впечатления. Небольшой всплеск оптимизма, вызванный хвастливыми заявлениями Карла по поводу «грандиозного предприятия», угас, и даже если учесть, что сторонники короля Якова по-прежнему хранят верность своему монарху, теперь, по всей видимости, эта преданность не повлечет за собой никаких решительных действий.

Пусть Карл сам разбирается со своими амбициями ссыльного принца, подумала я, а наша ссылка закончилась. Мы возвращаемся домой.

– Багаж на борту, – пробасил грубый голос с шотландским акцентом прямо мне в ухо. – Капитан просит вас подняться на корабль. Сейчас начнется отлив, и мы отправимся в путь.

Джаред огляделся по сторонам и обратился к Мурте:

– А где же Джейми?

Мурта кивнул в сторону пирса:

– В таверне. Решил напиться до чертиков.

Как только встал вопрос о возвращении домой, я уже тогда с ужасом думала о мучениях Джейми во время путешествия через Ла-Манш, если вдруг не повезет с погодой. В порту он взглянул на небо, увидел пурпурный закат – верный предвестник шторма – и, извинившись перед Джаредом, исчез.

Посмотрев в направлении, указанном Муртой, я увидела Фергюса, сидящего на страже у входа в одну из таверн.

Джаред поначалу не поверил Мурте, но, узнав, что таким образом его кузен надеется справиться с морской болезнью, весело рассмеялся:

– Вот оно что! Если мы немедленно отправимся за ним, он вольет в себя по крайней мере на одну квартиру меньше и тогда с Божьей помощью сможет сам подняться по трапу.

– Зачем он это сделал? – сердито спросила я Мурту. – Я же сказала ему, что припасла на этот случай настойку опиума. – Я похлопала по шелковому ридикулью, который держала в руках. – Уж это точно свалило бы его с ног почище любого виски.

Мурта усмехнулся:

– О да. Но он сказал, что, если бы у него болела голова, он обязательно воспользовался бы твоим предложением. Но пить виски гораздо приятнее, чем это мерзкое черное снадобье. – Он кивнул на мой ридикуль, где я держала лекарство, и сделал знак Джареду: – Пойдем, поможем мне.

Я сидела на койке в капитанской каюте и наблюдала за постепенно удаляющейся линией берега, голова мужа лежала на моих коленях. Он чуть приоткрыл один глаз и посмотрел на меня. Я убрала тяжелую влажную прядь волос у него со лба. Запах виски и эля витал вокруг него.

– Ты будешь чувствовать себя как в аду, когда мы прибудем в Шотландию, – сказала я.

Он приоткрыл другой глаз и уставился на скользящие по деревянному потолку полосы света. Затем обратил свой бездонный синий взгляд на меня:

– Между адом сейчас и адом потом, саксоночка, я всегда выберу второе.

Речь его была четкой и ясной. Он закрыл глаза, мягко отрыгнул, длинное тело расслабилось, и он снова погрузился в глубокий сон.

* * *

Казалось, лошади испытывали такое же нетерпение, как и мы. Почувствовав близость конюшни и сытной еды, они прибавили шагу, наострив уши и высоко поднимая головы. Я тоже мечтала о том, что скоро смогу вымыться и поесть, как вдруг моя лошадь, шедшая впереди, встала на дыбы.

Она заскользила, останавливаясь, копыта глубоко погрузились в красноватую пыль. Кобыла водила головой из стороны в сторону, храпя и фырка.

– Эй, что с тобой? Или шлея попала под хвост?

Джейми сошел со своей лошади и быстро схватил мою под уздцы. Чувствуя, что ее широкая спина дрожит и подергивается, я тоже спешила.

– Что это с ней?

Я с любопытством смотрела, как животное упирается, трясет гривой и таращит глаза. Другие лошади, как по команде, стали делать то же самое.

Джейми взглянул через плечо на пустынную дорогу.

– Она чувствует что-то неладное.

Фергюс приподнялся в подогнанных ему по росту стременах, приставил ладонь ко лбу козырьком и стал вглядываться в даль. Затем опустил руку, посмотрел на меня и пожал плечами. Я тоже пожала плечами.

Ничего такого, что могло бы испугать лошадь, не было видно. Дорога и поля вокруг были совершенно пустынные. Ближайшие деревья находились от нас не менее чем в ста ярдах. Еще дальше виднелась небольшая кучка камней. Это были, должно быть, остатки дымовых труб некогда стоявших здесь домов.

Волки редко водились в этих местах, и, конечно, ни лиса, ни барсук не могли испугать лошадь на таком расстоянии.

Джейми не стал тянуть кобылу вперед, вместо этого он повел ее по кругу. Лошадь повиновалась и охотно пошла в том направлении, откуда мы приехали.

Джейми подал Мурте знак отвести лошадей с дороги, вскочил в седло, наклонился вперед, вцепившись одной рукой в лошадиную гриву, понукая и что-то шепча ей на ухо. Она покорно дошла до места ее последней остановки, но здесь встала как вкопанная, снова мелко подрагивая, и уже ничто на свете не могло заставить ее двигаться вперед.

– Ну ладно, – сказал Джейми, – иди куда хочешь.

Он повернул лошадь, и она направилась к полю. Желтые колосья хлестали ее по животу, но кобыла словно не замечала этого. Мы последовали за ними. Лошади спокойно шли вперед, время от времени лакомясь тучными колосьями.

Обогнув небольшой гранитный валун, я услышала впереди тревожный лай. Мы вышли на дорогу и увидели ошестинившуюся, черную с белыми пятнами сторожевую собаку. Она тявкнула несколько раз, и тут же из зарослей ольхи выскочила другая, очень похожая на первую, в сопровождении высокой, худощавой фигуры человека, завернутого в коричневый охотничий плед.

– Айен!

– Джейми!

Джейми бросил мне поводья моей лошади и поздоровался с зятем. Двое мужчин обнимались, хлопая друг друга по спине и смеясь. Успокоившиеся собаки прыгали вокруг них, виляя хвостами и путаясь в ногах лошадей.

– А мы вас ждали только к завтрашнему утру, – проговорил Айен. Он так и сиял от радости.

– Нам помог попутный ветер, – объяснил Джейми. – Хотя, по правде говоря, сам-то я этого не чувствовал. Это Клэр мне сказала.

Он бросил на меня насмешливый взгляд.

Айен подошел пожать мне руку.

– Дорогая невестка, – ласково сказал он и широко улыбнулся. Его карие глаза светились добротой и симпатией. – Клэр!

Он с чувством поцеловал мне руку и продолжал:

– А Дженни всю готовится к встрече, занимается уборкой и готовит. Сегодня вы наконец-то будете спать в своей постели. Она выбила и прожарила на солнце все матрасы.

– После трех ночей на море я усну и на полу, – сказала я. – Ну а как Дженни, дети, все здоровы?

– Да. И она ждет ребенка, – добавил он. – В феврале.

– Опять? – одновременно воскликнули мы с Джейми, вогнав Айена в краску.

– Бог мой, ведь Мэгги нет еще и года, – укоризненно произнес Джейми. – Ты что, не можешь остановиться?

– Я? – возмутился Айен. – Думаешь, это моя вина?

– Ну, если ты тут ни при чем, тебе следовало бы, по крайней мере, поинтересоваться, чья тут вина, – съехидничал Джейми, с трудом сдерживая улыбку.

Айен еще больше покраснел, яркий румянец на его лице в сочетании с гладко зачесанными каштановыми волосами сделал его удивительно симпатичным.

– Черт возьми, ты же понимаешь, что я имею в виду. Два месяца я спал отдельно от нее, вместе с малышом Джейми, но Дженни...

– Ты хочешь сказать, что моя сестра распутница?

– Я хочу сказать, что она такая же упрямая, как и ее братец, и всегда добивается, чего хочет, – ответил Айен.

Он сделал ложный выпад в сторону, затем назад и в шутку ударил Джейми в живот. Джейми со смехом согнулся пополам.

– Как только вернусь домой, я помогу тебе держать ее в руках.

– Правда? – скептически улыбнулся Айен. – А я призову всех соседей в свидетели.

– Вы что, потеряли овец? – уже серьезно спросил Джейми, кивком указывая на собак и большой пастуший посох, брошенный в пыли на дороге.

– Да, двенадцать ярок и барана, – горестно вздохнул Айен. – Это мериносы – собственное стадо Дженни. Она держит их ради шерсти. Баран оказался настоящим хулиганом. Сломал ворота. Я думал, что они где-нибудь здесь, в поле, но их нигде нет.

– Мы тоже не встретили их по пути, – заметила я.

– Да там их и не могло быть, – возразил Айен. – Ни одна скотина не пройдет мимо того дома.

– Дома? – переспросил Фергюс, сгорая от нетерпения поскорее прибыть на место. – Я не видел никакого дома, милорд. Только груды камней.

– Это все, что осталось от дома Макнаба, парень, – пояснил Айен.

Он бросил быстрый взгляд на Фергюса, силуэт которого отчетливо вырисовывался на фоне вечернего неба.

– И я бы советовал тебе держаться подальше от того места...

Несмотря на жаркую погоду, мурашки поползли у меня по телу. Именно Рональд Макнаб выдал год назад Джейми английскому патрулю. И погиб в тот же день, как только выяснилось, кто предатель. Он сгорел, насколько я помнила, в собственном доме, подожженном жителями Лаллиброха. Груда камней, которую мы миновали полем, казалась теперь надгробным памятником. Я ощутила во рту неприятную горечь.

– Макнаб? – тихо переспросил Джейми. Выражение его лица сразу же изменилось. – Ронни Макнаб?

Я рассказывала Джейми о предательстве Макнаба и о том, что он погиб, но ни словом не обмолвилась о причине его гибели.

Айен кивнул:

– Да. Он погиб здесь в ту же ночь, когда англичане схватили тебя, Джейми. Должно быть, соломенная крыша загорелась от искры, а вместе с домом сгорел и он. Ведь ты знаешь, он был большим любителем выпить.

Айен стойко выдержал взгляд Джейми, в котором не осталось и следа от шутливой задиристости.

– Вот оно что. А его жена и сын?

Выражение лица Джейми стало таким же, как у Айена, – холодным и бесстрастным.

– Они остались в живых. Мэри Макнаб работает на кухне в доме, а Рэбби – в конюшне. – Айен невольно взглянул через плечо туда, где когда-то стоял дом Макнаба. – Мэри часто приходит на родное пепелище. Она – единственная в округе, кто бывает там.

– Наверное, она любила его?

Джейми повернулся и тоже посмотрел на пепелище. Я не видела его лица, но в голосе уловила волнение.

Айен пожал плечами.

– Не думаю. Пьянчужкой, и к тому же задиристым, был этот Ронни. Даже его старой матери доставалось от него. Мне кажется, Мэри ходит сюда из чувства долга, помолиться о его душе, – добавил Айен.

– Понятно.

Джейми задумчиво помолчал с минуту. Потом забросил поводья за спину лошади и стал медленно подниматься вверх по холму.

– Джейми! – крикнула я ему вдогонку, но он уже энергично шагал вверх по дороге.

Я протянула поводья моей лошади удивленному Фергюсу.

– Оставайся здесь, с лошадьми, а я пойду с ним.

Айен хотел было отправиться вместе со мной, но Мурта остановил его, и я пошла одна следом за Джейми.

У него были длинные ноги и уверенный шаг человека, привыкшего ходить по горам. Он дошел до просеки, где находился разрушенный дом, раньше, чем я успела его догнать. Он стоял там, где когда-то была наружная стена постройки. Квадрат утрамбованной земли, служивший полом, порос густой свежей травой, казавшейся особенно яркой на фоне желтого ячменного поля. Следов огня почти не было видно. Несколько обгорелых деревьяшек проглядывали сквозь траву возле каменного камина. Осторожно ступая и стараясь обходить стороной канавки, служившие когда-то основанием стен, Джейми принялся кружить возле каменного очага, трижды обошел его, каждый раз расширяя круги и забирая все левее и левее, чтобы сбить с толку дьявола, который мог следовать за ним.

Я стояла молча и ждала. Это было его сугубо личное действо, но я не могла оставить его одного, и, хотя он не смотрел на меня, все же я знала, что он был рад моему присутствию.

Наконец Джейми остановился у груды камней. Положив на нее руку, закрыл на минуту глаза, как будто бы читая молитву. Затем поднял с земли камень размером с кулак и осторожно водрузил его сверху, словно этот камень мог успокоить мятущуюся душу Рональда Макнаба.

Он перекрестился, повернулся и пошел ко мне широким, уверенным шагом.

– Не оборачивайся, – спокойно сказал он, беря меня под руку и увлекая за собой.

Я не обернулась.

* * *

Джейми, Фергюс и Мурта отправились с Айеном и собаками на поиски овец. Мне предложили одной с лошадьми добираться до дома. У меня не было достаточного опыта в обращении с лошадьми, но я надеялась, что полмили как-нибудь смогу одолеть, если не случится ничего экстраординарного.

Этот наш приезд во многом отличался от первого посещения Лаллиброха. Тогда я была в тревоге перед будущим, Джейми – от воспоминаний о прошлом. Наше пребывание здесь стало счастливым, но не безмятежным. Нам грозила опасность быть обнаруженными, а за этим мог последовать немедленный арест Джейми. Но сегодня, благодаря вмешательству герцога Сандрингема, Джейми прибыл сюда в качестве полноправного хозяина своего родового имения, а я – его законной жены. В тот раз мы свалились как снег на голову, а сейчас – заранее известив о своем приезде, с соблюдением положенных церемоний, с подарками из Франции для всех членов семьи.

Я не сомневалась в уготованном нам теплом приеме, но невольно задумывалась над тем, как Айен и Дженни воспримут наше возвращение. В конце концов, ведь фактически они были хозяевами имения в течение последних нескольких лет после смерти отца Джейми и тех событий, в результате которых мой муж был объявлен вне закона и изгнан из страны.

Я поднялась с лошадьми на последний холм без каких-либо приключений. Лаллиброх лежал передо мной как на ладони. Тем временем на краю неба стали собираться грозные

тучи. Вдруг моя лошадь остановилась, тревожно попятилась и тихо заржала. Из-за угла дома выкатились два огромных, словно надутые шары, предмета. Они двигались над самой землей подобно тяжелым облакам.

– Стоять! – закричала я. – Тпру!

Лошади, все как одна, стали пятиться и упираться. Я была близка к отчаянию. Вот будет дело, если весь табун купленных Джейми лошадей переломает себе ноги, да еще перед самым домом, подумала я.

Вдруг один из этих надувных предметов чуть приподнялся, затем распластался по земле, и я увидела Дженни Фрэзер Муррей. Она вылезала из-под огромной перины, которую тащила к дому.

Ни минуты не медля, она вскочила в седло ближайшей лошади и с силой ударила ее по бокам.

– Тпру! – скомандовала она.

Кобыла тут же успокоилась. Чтобы унять других лошадей, не потребовалось особых усилий. Вскоре на помощь к нам подоспели еще одна женщина и мальчик лет девяти-десяти, который и повел опытной рукой остальных.

Я узнала в нем Рэбби, Макнаба-младшего, а женщина, несомненно, была его мать – Мэри. Суматоха и ржание лошадей, узлы и перины не давали возможности поговорить, но я улучила момент, чтобы как следует поздороваться с Дженни. От нее пахло медом и корицей, чистой испариной от напряжения и неповторимым ароматом материнского молока. Мы крепко обнялись, воскрешая в памяти то тревожное прощание на опушке темного леса, когда я отправлялась на поиски Джейми, а она возвращалась к новорожденной дочери.

– Как маленькая Мэгги? – спросила я, оторвавшись от нее.

Дженни ухмыльнулась, не в силах скрыть свою гордость.

– Только что начала ходить, а уже терроризирует весь дом. – Она оглянулась на пустынную дорогу. – Вы встретили Айена?

– Да. Джейми, Мурта и Фергюс отправились с ним искать овец.

– Пусть лучше мочит их, чем нас, – сказала Дженни, указывая на небо. – Дождь начнется с минуты на минуту. Пусть Рэбби отведет лошадей в конюшню, а ты помоги мне, пожалуйста, с матрасами, иначе сегодня будем спать на мокрых.

Мы развили бурную деятельность и, когда пошел дождь, сидели в гостинной, развязывая пакеты, привезенные из Франции, одновременно любясь маленькой Мэгги, ее голубыми глазками и пушистыми волосиками. Ее старший брат, Джейми, был уже четырехлетним крепышом. Искренне восхищаясь малышами и наблюдая, как Дженни время от времени ласково касается рукой их круглых головок, я невольно испытывала приступы острой боли.

– Ты что-то сказала о Фергюсе, кто это? – спросила Дженни.

– Фергюс? – Я запнулась, не зная, как отрекомендовать его: для карманного вора вряд ли найдется работа на ферме. – Джейми взял его под свою опеку.

– Да? – Дженни призадумалась, а потом объявила свое решение: – Ну, тогда, думаю, он может спать на конюшне.

Она взглянула на окно, которое заливали потоки дождя, и продолжила:

– Надеюсь, они недолго будут искать овец. Я приготовила вкусный обед, и мне не хочется, чтобы он переставал.

Вскоре действительно стемнело, и Мэри Макнаб накрыла на стол. Она была маленькой, хрупкой женщиной с темно-каштановыми волосами и настороженным взглядом. Тревожное выражение на ее лице тут же сменилось улыбкой, когда Рэбби вернулся из конюшни и направился на кухню, сердито вопрошая, когда же будет обед.

– Когда вернутся мужчины, милый. Ты же знаешь. А сейчас пойди и умойся.

Когда же мужчины вернулись, стало ясно, что они больше нуждаются в мытье, чем Рэбби. Продрогшие, насквозь промокшие, в грязи по колено, они медленно вошли в гостиную. Айен стащил с себя плед и повесил его сушиться у камина. У жаркого огня от пледа тут же повалил пар. Фергюс, ошеломленный первым знакомством с фермерской жизнью, просто сел там, где стоял, и бессмысленно уставился в пол.

Дженни взглянула на брата, которого не видела почти год. Оглядев его с головы, мокрой от дождя, и до ног, заляпанных грязью, она указала рукой на дверь.

– Выйди и сними обувь, – твердым голосом приказала она. – И если тебе придется побывать в поле, не забудь помочиться на дверной косяк при возвращении. Таким образом отведишь от дома привидения, – пояснила она мне тихо, бросив быстрый взгляд на дверь, за которой только что скрылась Мэри Макнаб.

Джейми, который успел повалиться в кресло, открыл один глаз и бросил на сестру хмурый взгляд:

– Я высадился на берегу Шотландии чуть живой, четырехдневные скитания в пути основательно подорвали мои силы, я уже готов переступить порог дома, чтобы промочить горло, но тут мне велят отправиться на поиски каких-то овец и обшарить все окрестности, утопая по колено в грязи... И вот, когда я наконец здесь, ты заставляешь меня снова отправиться на холод – писать на дверной косяк. Ха!

И он опять закрыл глаза, сложил руки на груди и уселся поудобнее в кресло, всем своим видом демонстрируя протест против такого обращения.

– Джейми, дорогой, – сладким голосом пропела сестра, – ты хочешь есть или мне отдать твой обед собакам?

Какое-то время Джейми сидел неподвижно, прикрыв глаза. Затем, присвистнув, покорно поднялся на ноги. Он шутливо толкнул плечом Айена, и они отправились за дверь следом за Муртой, который был уже на улице. Проходя мимо сонного Фергюса, Джейми схватил его за руку, поднял на ноги и потащил за собой.

– Добро пожаловать домой, – угрюмо сказал Джейми и, бросив тоскливый взгляд на очаг и виски, снова нырнул в ночную темень.

Глава 31

Вести из Парижа

После отнюдь не триумфального возвращения в Лаллиброх вскоре все благополучно устроилось. Джейми с головой окунулся в хозяйственные дела, будто никуда и не уезжал. Я тоже легко адаптировалась к фермерскому быту. Была ранняя осень, частые дожди чередовались с теплыми, солнечными днями, от которых становилось светло на душе.

Жизнь на ферме была ключом, полным ходом шла уборка урожая и подготовка к предстоящей зиме. Лаллиброх – довольно глухое место даже по меркам горных районов Шотландии. Оно фактически было оторвано от внешнего мира, но почту нам все же доставляли. Внешний мир казался чем-то нереальным, словно бы я никогда не танцевала в зеркальных залах Версаля. Но письма напоминали мне о Франции. Перед мысленным взором вставала улица Тремулен с тополиными деревьями, я слышала звон церковного колокола в «Обители ангелов».

У Луизы родился ребенок – мальчик. Ее письма, изобилующие восклицательными знаками, были полны описаний ее божественного Генри или его отца, мнимого или настоящего, – какая разница?

В письме Карла Стюарта, пришедшем на месяц позже, ничего не говорилось о ребенке, но, по словам Джейми, оно было более невразумительным, чем обычно, полным неясных планов и смутных надежд.

Граф Мар писал серьезно и рассудительно, но его недовольство Карлом было очевидным. Красавчик принц Чарли ведет себя возмутительно. Груб и придиричив по отношению к самым верным своим сторонникам, не ценит истинных приверженцев, оскорбляет их, болтает всякий вздор и – как можно было понять, читая между строк, – основательно пьет.

Матушка Хильдегард писала время от времени лаконичные, но вместе с тем информативные письма, видимо с трудом улущая для этого момент среди своих многочисленных повседневных дел и обязанностей. Каждое письмо неизменно кончалось одними и теми же словами: «Бутон тоже шлет свои наилучшие пожелания».

Господин Раймон ничего не писал, но мне часто приходили посылки без обратного адреса и без подписи. В посылках содержались необычные вещи: редкие травы и мелкие граненые кристаллы, а также набор гладких камней размером с ноготь большого пальца Джейми, в форме диска. На каждом была вырезана крошечная фигурка с надписью сверху или с обратной стороны. И еще там были кости: палец медведя с сохранившимся кривым когтем; скелет маленькой змейки, натянутый на кожаный ремешок так, что она казалась живой; целая связка зубов, начиная от круглых коротких, которые, по словам Джейми, могли принадлежать тюленю, и длинных, скошенных по бокам, что, скорее всего, принадлежали когда-то оленю, и, наконец, зубы, подозрительно напоминающие человеческие.

Время от времени я брала эти таинственные, необычные вещи и носила в кармане. Мне было приятно перебирать их, словно играя. Они были старинными. Я знала об этом. Они остались еще со времен римлян. А может быть, были даже еще более древними. И, глядя на маленькие фигурки, вырезанные на них, – неважно, кто их вырезал, – я понимала, что тот человек хотел придать им магическую силу.

Были ли они подобны травам, приносящим практическую помощь людям, или только символами, подобными каббалистическим знакам, я не знала. Они казались добрыми, и я носила их.

Кроме домашних дел, которые мне нравились, я получала огромное удовольствие от долгих прогулок по поместью. Отправляясь в очередное странствие, я всегда брала с собой большую корзину. Чего там только не было! Начиная с гостинцев для детей и кончая лекарствами, которые необходимы для лечения болезней, порожденных бедностью и отсутствием гигиениче-

ских навыков. Врачей от Форт-Уильяма на севере до Инвернесса на юге практически не было. Некоторые заболевания, такие как, например, кровоточивость и воспаление десен, являющиеся признаком начинающейся цинги, я умела лечить. Другие болезни мне были неподвластны.

* * *

Я пощупала лоб Рэбби Макнаба. Жесткие волосы у висков были влажными, рот открыт, и пульс едва слышен.

– Сейчас ему лучше, – сказала я.

Его мать понимала это и без меня. Мальчик лежал разметавшись во сне. Щеки порозовели от тепла горящего камина. Мэри стояла, склонившись над постелью сына, не отрывая от него глаз. Она поверила в то, что видела собственными глазами, только после того, как я подтвердила это. Ее поникшие плечи, скрытые шалью, постепенно расправились.

– Спасибо Святой Деве, – пробормотала Мэри Макнаб, истово молясь, – и вам, миледи.

– Меня не за что благодарить, я ничего не сделала, – возразила я.

И это была суцая правда. Единственная услуга, оказанная мною, состояла в том, что мне удалось уговорить мать Рэбби оставить ребенка в покое. И в самом деле, стоило немалых усилий убедить ее не давать мальчику снадобье, представляющее собой смесь отрубей с петушиной кровью, не махать у него перед носом сожженными перьями и не брызгать холодной водой. Ведь все эти манипуляции ничуть не помогают при эпилепсии. Когда я пришла, Мэри громко стенала по поводу того, что никак не может напоить его ключевой водой из черепа самоубийцы, считая это средство самым эффективным из всех существующих на свете.

– Мне так страшно, когда он лежит вот так неподвижно, – говорила Мэри, с надеждой взирая на сына. – В прошлый раз я позвала к нему отца Макмуртри, и он долго молился и опрыскивал мальчика святой водой, чтобы изгнать дьяволов. Но ничего не получилось, они опять в него вселились.

Она взмахнула руками, как будто желая дотронуться до сына, но не посмела.

– Никакие это не дьяволы, – пыталась пояснить я. – Это болезнь, и к тому же не смертельная.

– Да-да, миледи, вы правы, – бормотала она, не желая противоречить, но вряд ли веря моим словам.

– Он непременно поправится, – не сдавалась я. – Ведь он всегда поправляется после таких приступов, верно?

Припадки начались у Рэбби два года назад. Возможно, из-за травмы головы, которую нанес ему отец. Но так как эпилептические приступы случались редко, мать каждый раз страшно пугалась.

Она неуверенно кивнула.

– И еще я очень боюсь, когда при этом он бьется головой обо что попало.

– Да, это действительно опасно, – терпеливо объясняла я. – Поэтому в следующий раз проследи, чтобы он не повредил голову обо что-нибудь острое, и оставь его лежать – пусть все идет своим чередом, а когда он очнется, уложи в постель, и пусть он спит.

Я понимала, что мои слова звучат не слишком убедительно и она нуждается в каком-нибудь реальном подтверждении их правоты.

Я уже повернулась, чтобы уйти, и вдруг услышала, как звякнули камешки в кармане моей юбки. Тут меня и осенило. Я вытащила несколько мелких гладких амулетов, из тех, что прислал мне Раймон. Выбрала один – молочно-белый халцедон с изображенной на нем крошечной фигуркой скорчившегося человека.

– Это защитит твоего сына от дьявола. Зашей это мальчику в карман. – Я прочистила горло и добавила: – Не бойся, если даже у него и случится снова приступ, все закончится благополучно.

Я ушла, несколько смущенная, но в то же время и довольная: мать Рэбби была просто счастлива и не находила слов для выражения благодарности. Кто же я такая на самом деле – умелая целительница или заурядная шарлатанка? Как бы там ни было, но раз я не смогу исцелить Рэбби, то по крайней мере помогу его матери обрести спокойствие. Исцеление зависит от самого больного, а не от врача. Это доказал мне на практике господин Раймон.

* * *

Однажды я отправилась в свой очередной поход – на сей раз мне предстояло посетить две семьи, жившие на западной оконечности нашего поместья. У Кирбисов и Уэстон-Фрэзеров все было нормально, и я сразу же пустилась в обратный путь. На вершине холма присела под большим буковым деревом немного отдохнуть перед дальней дорогой. Солнце начинало клониться к закату, но еще не достигло макушек сосен, венчавших горный кряж на западе владений Лаллиброха. Мир вокруг был полон волшебных красок осени.

Опавшая листва бука была холодной и скользкой. Но крона дерева еще была густой, чуть красноватые листки держались на ветвях. Я прижалась спиной к гладкому стволу дерева и закрыла глаза, переключая внимание с яркости спелого ячменного поля на красноватый цвет, который имеет изнанка век, если смотреть на свет.

В домах, которые я посетила, было душно. От спертого воздуха заболела голова, и сейчас я сидела, глубоко вдыхая свежий, целительный воздух, и пыталась повторить то, что проделал со мной господин Раймон в «Обитатели ангелов», а именно – исходя из собственных ощущений, представить себе, как выглядят мои внутренние органы, когда они функционируют нормально.

Я села, спокойно сложив руки на коленях, и прислушалась к биению сердца. Сначала оно билось часто от напряжения при подъеме на холм, потом успокоилось и обрело нормальный ритм. Осенний ветерок играл моими кудряшками и охлаждал горящие щеки.

Смежив веки, я мысленно следовала по пути, который проходит моя кровь. От сокрытых толстых стенок сердечных камер, темно-пурпурная, она бежит через легочную артерию, стремительно краснея по мере того, как меха легких сбрасывают в нее гнет кислорода. Резкими взрывными толчками она проходит через арку аорты и в прихотливой гонке устремляется вверх и вниз по сонным, почечным и подключичным артериям. Я следила за движением своей крови до самых крошечных капилляров, которые, подобно цветам, распускались красными прямо под поверхностью кожи. Я чувствовала, как эта жидкость пульсирует и движется во все частях моего тела, и вспомнила охватившее меня в прошлый раз ощущение здоровья и совершенства. Покоя.

Я сидела неподвижно, стараясь дышать размеренно. Я была вялой и уставшей, как после любовного акта. Тело расслаблено, губы слегка набухли, а прикосновение одежды к телу подобно ласкающим движениям рук Джейми. Я не случайно вспомнила о муже. Я всегда мысленно призывала его, когда была больна или расстроена. Его любовь необходима мне, как воздух. Я грезилась о нем во сне и наяву. Мое тело вспыхнуло и запылало, и, когда силы вернулись ко мне, я страстно возжелала близости с ним.

Головная боль постепенно прошла. Я посидела с минуту, дыша полной грудью, встала и зашагала к дому.

* * *

У меня фактически никогда не было дома. Осиротев в пять лет, следующие тринадцать я провела со своим дядей Лэмом в палатках на пыльных площадках, в пещерах, в приспособленных под жилье отсеках пустых пирамид. Мой дядя Квентин Лэмберт Бошан, магистр естественных наук, доктор философии, член Королевского археологического общества и так далее, знаменитый археолог, предпринял множество экспедиций, и результаты раскопок сделали его имя известным всему миру задолго до того, как автомобильная катастрофа оборвала жизнь его брата, моего отца, и вбросила меня в его жизнь.

Не колеблясь, дядя решил отдать меня в пансион. По натуре не склонная безропотно подчиняться судьбе, я категорически отказалась отправляться в какой бы то ни было пансион на обучение. Тогда дядя, разглядев во мне что-то, что действительно роднило нас, избавил меня от общепринятого для детей моего возраста образа жизни с определенным распорядком дня, предусматривающим занятия, чистые простыни и ежедневные ванны, и стал таскать меня с собой по всему свету.

Моя бродячая жизнь продолжалась и с Фрэнком, но теперь – по университетам, потому что раскопками на поприще истории обычно занимаются в кабинетах. Поэтому я более спокойно, чем большинство людей, восприняла неудобства, связанные с войной, начавшейся в 1939 году.

Я переехала из нашей съемной квартиры в общежитие для медсестер при Пемброкской больнице, оттуда – в полевой госпиталь во Франции и снова в Пемброк перед окончанием войны. Потом последовало несколько коротких месяцев с Фрэнком, до того как мы отправились в Шотландию, чтобы заново обрести друг друга. Вместо этого мы раз и навсегда потеряли друг друга, когда я глупости отправилась в злополучный круг из гигантских каменных столбов и шагнула в прошлое, ставшее моим настоящим.

Мне казалось странным и удивительным просыпаться в верхней спальне Лаллиброха рядом с Джейми и наблюдать, как первые лучи солнца касаются его лица. Чудом мне казалось и то, что он родился на этой кровати. Все звуки старого дома, от скрипа половиц до шагов рано поднимающейся горничной, или дождя, барабанившего по крыше, были знакомы ему с детства. Он так привык к ним, что уже не замечал, а для меня они были внове.

Его мать, Элен, посадила когда-то перед входом в дом розовый куст, цветущий осенью. Его нежный аромат достигал окна спальни. Казалось, что это она сама приходит сюда, чтобы благословить нас.

Сразу за домом простирался Лаллиброх, его поля и амбары, деревня и небольшие фермы. Джейми ловил здесь рыбу в горных речках, залезал на высокие дубы и лиственницы, срубал сухие сучья, служившие топливом для очага. Это была его родина.

Но он тоже не жил здесь постоянно. Арест, преследования за нарушение закона, неприкаянная солдатская жизнь... Снова арест, тюрьма и пытки, изгнание, закончившееся совсем недавно. Но тут он прожил первые четырнадцать лет своей жизни. И даже в этом возрасте, когда его, по установившейся традиции, послали на два года к дяде по материнской линии, Дугалу Маккензи, Джейми прекрасно сознавал, что он, как и подобает мужчине, вернется в Лаллиброх, чтобы обосноваться там навсегда, заботиться о процветании поместья и благополучии всех его обитателей, стать неотделимой их частью. Ему на роду было написано постоянство.

Но так случилось, что он оказался за пределами не только Лаллиброха, но и самой Шотландии. Джейми довелось общаться с королевскими особами, заниматься торговлей, оказаться в тюрьме за нарушение закона, испытать немало удивительных приключений, подвергнуться насилию и чудесным образом преодолеть все беды.

Спускаясь с холма, я увидела Джейми внизу. Он заделывал трещины в каменной ограде небольшого поля. На земле у его ног лежала пара кроликов, аккуратно выпотрошенных, но шкурки с них еще не успели снять.

– «Домой моряк вернулся с моря, а охотник – с зеленых холмов»,¹ – процитировала я, улыбаясь.

Он улыбнулся в ответ, вытер пот со лба, затем изобразил внезапный страх.

– Не напоминай мне о море, англичаночка. Я видел тут двух маленьких мальчишек, пускавших кораблики в пруду возле мельницы, так меня чуть не стошнило.

Я рассмеялась.

– Поэтому у тебя нет желания вернуться во Францию?

– О нет! Только не это. Не вернусь даже ради бренди. – Он положил последний камень поверх каменной ограды. – Ты домой?

– Да. Забрать кроликов?

Он покачал головой и нагнулся за ними.

– Не нужно. Я тоже иду домой. Айен попросил помочь ему с новым хранилищем для картофеля.

Через несколько дней в Лаллиброхе начнется уборка первого урожая картофеля, посаженного по моему настоятельному совету. Для его хранения строился погреб.

Глядя на картофельные поля, я испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, густая сочная ботва вселяла надежду на хороший урожай, с другой – я терзалась сомнениями, и меня охватывал панический страх при мысли о том, что питание шестидесяти семей будет зависеть от того, какие клубни окажутся на этих великолепных кустах. Это по моей просьбе поле, много лет подряд засеивавшееся ячменем, впервые было использовано под посадку картофеля – культуры, доселе неизвестной в Северной Шотландии. Я знала, что со временем картофель станет одним из основных продуктов питания здесь, так как он менее капризен и более вынослив, чем овес и ячмень.

Я вычитала это давно в каком-то учебнике географии, и такой подход едва ли можно было назвать сознательно взятой ответственностью за жизнь людей, которые должны будут питаться этим картофелем. Я спрашивала себя, возможно ли привыкнуть к риску. Для Джейми, например, риск был вполне привычным делом. Он постоянно рисковал, словно так ему было назначено судьбой. Впрочем, с Джейми и впрямь все обстояло именно таким образом.

– А что, погреб почти готов? – спросила я.

– Да, Айен уже поставил дверь, но в задней части слишком мягкая земля, и протез Айена утопает в ней.

Обычно Айен не испытывал особых неудобств с деревянным протезом, который носил на правой ноге, но в некоторых случаях, как, например, сейчас, возникали затруднения.

Джейми обернулся и задумчиво посмотрел на горы у нас за спиной:

– Нужно успеть закончить рыть погреб и настелить верх до вечера. На рассвете опять будет дождь.

Я проследила за его взглядом, но ничего не увидела на склоне горы. Только траву и несколько деревьев да осколки гранита, проглядывающие сквозь траву.

– Откуда ты знаешь, что будет дождь?

Джейми улыбнулся.

– Видишь вон там невысокий дуб? И ясень рядом с ним?

– Вижу. Ну и что из этого?

¹ Стихотворение Альфреда Эдварда Хаусмана.

– Обрати внимание на листья, англичаночка. Сейчас они выглядят светлее, чем обычно. Когда в воздухе много влаги, листья дуба или ясеня разворачиваются обратной стороной, и поэтому все дерево кажется на несколько оттенков светлее.

– Предположим, это так. Особенно если ты знаешь, какой у дерева обычно цвет.

Джейми засмеялся и взял меня за руку.

– Возможно, я не обладаю тонким музыкальным слухом, но глаза у меня есть. И я видел эти деревья тысячу раз и при любой погоде.

От поля до дома было рукой подать, мы шли молча, наслаждаясь мягким теплом полуденного осеннего солнца. Я вдохнула свежий воздух и согласилась с Джейми по поводу дождя. Все витающие в воздухе запахи – от сосновой смолы до спелого зерна, смешанного с запахом пыли, – приобрели особую остроту. Я подумала, что мне следует самой научиться чувствовать ритмы, ароматы и картины Лаллиброха. Возможно, со временем я буду их различать так же хорошо, как Джейми. Я взяла его за руку и в ответ почувствовала мягкое пожатие.

– Ты скучаешь по Франции, англичаночка? – вдруг спросил он.

– Нет, – не задумываясь, ответила я. – А почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами, не глядя на меня.

– Просто я подумал, какая ты красивая, когда увидел тебя спускающейся по холму с корзиной в руках. Солнце золотило твои волосы, и у тебя был такой вид, словно ты выросла здесь и никогда не уезжала отсюда. Но вдруг мне в голову пришла мысль, что Лаллиброх не совсем подходящее место для такой женщины, как ты. Здесь жизнь простая, не та, что была у тебя во Франции, и нет даже интересной работы, такой как в «Обители ангелов». – Он робко, искоса взглянул на меня. – Боюсь, со временем тебе наскучит здесь.

Я помолчала немного, прежде чем ответить, как будто бы сама никогда об этом не думала.

– Со временем, – многозначительно повторила я. – Джейми, я много чего видела за свою жизнь и много где побывала. Там, откуда я пришла, было много такого, чего мне порой не хватает. Мне хотелось бы проехать в омнибусе по Лондону или поднять телефонную трубку и поговорить с кем-нибудь, кто находится далеко-далеко. Мне хотелось бы отвернуть кран и чтобы из него потекла горячая вода, вместо того чтобы носить воду из колодца и греть ее на огне. Я хотела бы иметь все это, но коль скоро это невозможно, я принимаю все как должное. Что же касается роскошной жизни, то я в ней не нуждалась, даже когда имела ее. Красивая одежда – это очень приятно, но если при этом необходимо постоянно следовать строгому этикету, терпеть интриги, и злословие, и скучные вечеринки... нет, тогда и она не нужна мне. Лучше я буду жить, как захочу, и буду говорить, что захочу.

Он рассмеялся, а я снова взяла его за руку.

– Что же касается работы, у меня и здесь ее хватает. – Я кивком указала на корзину с травами и лекарствами. – Я чувствую, что нужна здесь. И если я скучаю по матушке Хильдегард и другим своим друзьям, то хотя здесь и нет телефона, зато время от времени приходят письма.

Я остановилась, держа его за руку и глядя на него снизу вверх. Солнце садилось, освещая лишь одну сторону его лица.

– И потом, Джейми, единственное, чего я хочу, – всегда быть рядом с тобой. Больше мне ничего на свете не надо.

Он стоял с минуту молча, затем наклонился и нежно поцеловал меня в лоб.

– Забавно, – сказала я, когда мы миновали вершину небольшого холма и стали спускаться к дому. – Я как раз собиралась задать тебе те же самые вопросы. Счастлив ли ты здесь после той жизни, которую вел во Франции.

Он улыбнулся в ответ и задумчиво посмотрел на трехэтажный дом из белого камня, отливающий золотом в лучах заходящего солнца.

– Но ведь здесь мой дом, англичаночка. Мое место здесь.

– Ты хочешь сказать, что был рожден владеть всем этим?

Он глубоко вздохнул и положил руку на деревянный забор, огораживавший ближайшее к дому поле.

– Не совсем так, англичаночка. По праву этот дом должен был принадлежать Уилли. Если бы он был жив, я бы, скорее всего, стал солдатом, а может быть, купцом, как Джаред.

Уилли, старший брат Джейми, умер от оспы, когда ему было одиннадцать лет, и таким образом наследником Лаллиброха стал младший брат, шестилетний Джейми.

Он передернул плечами, как бы пытаясь освободиться от тесной рубашки. Это был характерный для Джейми жест в минуты душевной тревоги и сомнений. Я уже многие месяцы не замечала его.

– Уилли умер. А я стал лэрдом.

Он взглянул на меня, слегка смутившись, полез в свою кожаную сумку и вынул из нее маленькую змейку, искусно вырезанную из вишневого дерева. Ее вырезал Уилли и подарил Джейми в день рождения. Сейчас змейка лежала у него на ладони, головка повернута назад, как будто она удивленно рассматривает свой хвост. Джейми задумчиво погладил поделку. От прикосновения дерево заиграло, переливаясь мягким светом.

– Я иногда мысленно беседую с Уилли, – сказал Джейми, слегка подбрасывая змейку на руке. – «Если бы ты был жив, брат, и был бы лэрдом, ты вел бы хозяйство, как я, или как-то иначе?»

Он взглянул на меня и слегка покраснел.

– Это очень глупо с моей стороны?

– Нет.

Я коснулась гладкой змеиной головки кончиками пальцев.

С дальнего поля послышался чей-то звонкий смех. Он прозвучал в вечернем воздухе подобно тронутой ветром струне.

– Я часто делаю то же самое... – мягко сказала я после короткой паузы. – Разговариваю с дядей Лэмом. Или с родителями. Особенно с мамой. Я не очень часто думала о ней, когда была маленькой, только иногда видела во сне какую-то ласковую, нежную женщину с приятным певучим голосом. Но во время болезни, когда у меня был жар... порой мне казалось, что она со мной рядом.

Меня захлестнула внезапно нахлынувшая волна горестных воспоминаний. Воспоминаний о потерях, совсем недавних и давнишних.

Джейми нежно коснулся моего лица, смахнув слезинку, появившуюся в уголке глаза.

– Мне порой кажется, что мертвые так же любят нас, как мы любим их, – тихо сказал Джейми. – Пойдем, англичаночка. Прогуляемся перед обедом.

Он обнял меня за плечи, плотно прижав к себе, и мы медленно пошли вдоль забора. Сухая трава шуршала под ногами.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, англичаночка, – продолжал Джейми. – Иногда где-нибудь в поле или на ферме я вдруг слышу голос отца, хотя в тот момент даже и не думаю о нем. Мне кажется, я слышу, как он разговаривает с кем-то, смеется или успокаивает лошадь у меня за спиной.

Он улыбнулся и кивнул в сторону пашни, расстилавшейся перед нами.

– Как ни странно, чаще всего я слышу его голос именно здесь.

– Правда? И что же он говорит?

– Обычно: «Если ты проходишь мимо, Джейми, остановись и постой здесь» – что-то в этом роде.

Мы засмеялись и остановились, облокотившись о забор. Джейми провел рукой по ветхому дереву.

– Лазая через забор, мы постоянно загоняли себе занозы, так что приходилось просить миссис Крук или Дженни вытащить их, а заодно и выслушать очередную нотацию.

Я посмотрела в сторону дома, где уже зажгли свечи. В окнах кухни виднелись фигуры хлопотавших на кухне миссис Крук и горничных, занятых приготовлениями к обеду. Вдруг в одном из окон гостиной четко обозначился силуэт высокой, статной мужской фигуры. Это был Айен. Он постоял минуту и задернул занавеси.

– Я всегда радовался, когда Айен был рядом, – сказал Джейми, продолжая смотреть в сторону дома. – Особенно когда нас заставляли за какой-нибудь проказой, а потом всыпали за это.

– На миру и смерть красна, – заметила я с улыбкой.

– Отчасти. Я не чувствовал себя таким уж чудовищным нечестивцем, когда мы бедокурили вдвоем: тяжесть вины делилась на двоих. Но главное, когда дело доходило до разборок, я мог целиком положиться на него – чего-чего, а шуму будет с избытком.

– Ты хочешь сказать, что он плакал и оправдывался?

– Да он не просто плакал. Он выл и вытворял что-нибудь совершенно невероятное, так что и мне уже тоже не было стыдно плакать.

Стало довольно темно, и я не видела лица Джейми, но уловила характерный жест плечами.

– Я изо всех сил крепился, стараясь не плакать, но мне не всегда это удавалось. Если отец считал, что я заслужил порку, он осуществлял ее тщательно, как делал любую другую работу, да и у отца Айена была тяжелая рука.

– Послушай, – сказала я. – Мне вдруг пришло в голову: а почему отец порол тебя именно здесь, у забора? Разве мало места в доме или на ферме?

Джейми помолчал с минуту и снова передернул плечами.

– Я никогда не спрашивал его об этом. Но думаю, в данном случае в его поведении было нечто от короля Франции.

– Короля Франции? – удивленно воскликнула я.

– Ну да, – сухо пояснил Джейми. – Своеобразный ритуал, наподобие того, как тот умывается, одевается, какает и так далее. Но так или иначе, весьма неприятно стоять перед одним из фермеров и объяснять, за что тебе предстоит порка по голой заднице.

– Бедняжка, – сочувственно проговорила я, – наверное, он поступал так потому, что тебе предстояло в будущем стать лэрдом. Он, так сказать, играл на публику?

– По-видимому, так. И еще он хотел показать всем, что превыше всего ставит справедливость.

Глава 32

Щедрое поле

Поле было распахано обычными рядками с глубокими бороздами между ними. Высота рядков достигала мужского колена, поэтому пахарь, прокладывая бороздку, одновременно разбрасывал семена рукой по рядкам. Такой способ был привычен для посева овса и ячменя, поэтому, казалось, не было необходимости изобретать какой-то иной при посадке картофеля.

– Тут сказано «сажать в лунку», – говорил Айен, окидывая взором бескрайнее картофельное поле, – но я думал, что рядки тоже подойдут. Но, видимо, полагается сажать в лунку для того, чтобы завязывающиеся клубни не сгнили в воде.

– Звучит убедительно, – согласился Джейми. – Судя по всему, это никак не повредит ботве. А сказано там, как выкапывать картофель?

Решив заняться выращиванием картофеля в крае, где о нем не имели ни малейшего представления, Айен, руководствуясь здравым смыслом, направил в Эдинбург письмо с просьбой выслать ему семена картофеля и руководство по посадке и сбору урожая. В ответ он получил известную книгу сэра Уолтера О’Баннона Рейли «Научное руководство по сельскому хозяйству для фермеров», где картофелю как культуре, получившей в последнее время распространение в Ирландии, была отведена небольшая глава.

Айен держал этот увесистый том под мышкой. Дженни говорила мне, что, отправляясь на картофельное поле, он всегда берет с собой эту книгу на случай, если у него возникнут по ходу дела какие-либо теоретические или практические проблемы. Вот и сейчас, держа фолиант раскрытым на левой руке, он отыскивал в своем спорране очки, которыми пользовался во время чтения. Это были маленькие стеклянные кружочки в проволочной оправе, они когда-то служили еще его покойному отцу. Обычно Айен носил их на кончике носа, что делало его похожим на серьезного молодого аиста.

– «Собирать урожай следует в пору, когда появляются зимние гуси», – прочел он, затем поверх очков осмотрел картофельное поле, как бы ожидая, что вышеупомянутые гуси вот-вот замелькают среди грядок.

– Зимние гуси? – Джейми, нахмурившись, заглянул в книгу из-за плеча Айена. – Каких гусей он имеет в виду? Диких? Да они здесь гнездятся у нас круглый год. Нет, что-то не то.

Айен пожал плечами.

– Может, в Ирландии они появляются только зимой. Или, может быть, он имеет в виду каких-то ирландских гусей, а не диких?

– Нам от этого не легче, – фыркнул Джейми. – А есть в этой книге какие-нибудь действительно полезные сведения?

Вокруг нас собралась целая толпа батраков, привлеченная этим новейшим руководством по сельскому хозяйству.

– «Не следует копать картофель, если земля сырая», – торжественно цитировал Айен, игнорируя еще более громкое фыркание Джейми.

– Мм... – бормотал про себя Айен. – «Гниение картофеля, колорадский жук» – у нас тут никаких жуков, думаю, нам просто повезло... «Картофельная ботва»... о нет, здесь есть совет, что делать, если ботва вянет. «Болезни картофеля: чтобы установить диагноз, необходимо взглянуть на клубни. Семена картофеля, хранение картофеля»...

У Джейми иссякло терпение, он отошел от Айена и упер руки в бока.

– Научное руководство... – Он обвел медленным взглядом поле, поросшее буйной ярко-зеленой ботвой. – Слишком научное, чтобы понять, когда этот чертов овощ созреет...

Фергюс, который, как обычно, ходил по пятам за Джейми, оторвал взгляд от медленно ползущей у него по руке гусеницы и неожиданно спросил:

– А почему бы вам не выкопать один куст и не посмотреть, что там?

Джейми с минуту молча смотрел на Фергюса, приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но передумал. Мягко потрепал мальчика по голове и направился к вилам, стоявшим у забора.

Батраки, помогавшие сажать картофель, а после окучивавшие его под руководством Айена и в соответствии с рекомендациями сэра Уолтера, сгруппировались вокруг, чтобы увидеть результаты своего труда.

Джейми выбрал самый большой и пышный куст у края поля и осторожно нацелил вилы в то место, где, по нашему единодушному мнению, должны находиться клубни. Затаив дыхание, он поставил ногу на вилы и слегка нажал. Вилы легко вошли в темную влажную почву.

Я замерла на месте. От результатов этого эксперимента зависела репутация не только сэра Уолтера О'Баннона Рейли, но и моя собственная.

По мнению Джейми и Айена, урожай ячменя в этом году был ниже обычного, хотя для Лаллиброха его было вполне достаточно. Впрочем, еще один неурожайный год мог бы привести к заметному истощению наших запасов. Лаллиброх считался относительно благополучным хозяйством, но только в сравнении с другими хозяйствами горной Шотландии. Если же эксперимент с картофелем удастся, то обитателям Лаллиброха будет гарантирована сытая жизнь по крайней мере на ближайшие два года.

Джейми еще поднажал на вилы – земля расступилась, зеленый куст ботвы пошел вверх, и мы воочию увидели щедрость земли.

Множество крупных клубней, уродившихся на одном-единственном кусте, вызвали всеобщее ликование и восторг. Айен и я опустились на колени и принялись руками выбирать клубни, оставшиеся в земле.

– Получилось! – снова и снова повторял Айен, вытаскивая из земли картофелину за картофелиной. – Вы только взгляните на нее! Видите, какая она крупная!

– Да, а вот эта! – восторженно восклицала я, отыскивая все новые и новые клубни. Некоторые из них размером превосходили сложенные вместе два моих кулака.

Через некоторое время в корзине уже лежали около десяти очень крупных картофелин, примерно двадцать пять картофелин средней величины и множество мелких – размером с мяч для гольфа.

– Как думаешь, – задумчиво вопрошал Джейми, любуясь только что обретенным нами богатством, – приступать нам к уборке урожая или пусть еще подрастет немного? Может, есть смысл подождать до холодов?

По привычке Айен полез за очками, но, вспомнив, что книга сэра Уолтера осталась по другую сторону забора, не стал водружать их себе на нос.

– Нет, думаю, не надо, – отвечал Айен. – Здесь говорится, что мелкие клубни можно использовать на следующий год для посадки, вместо семян. А у нас как раз много такой мелочи.

Он улыбнулся мне счастливой улыбкой; прядь густых каштановых волос упала на лоб; одна щека была вымазана грязью.

Жена одного из батраков склонилась над корзиной и стала внимательно рассматривать ее содержимое. Затем потрогала клубни рукой.

– Вы говорите, что их можно будет есть? – Ее лицо выражало сомнение. – Но я не понимаю, как же их смолоть в ручной мельнице, чтобы добавлять в муку для выпечки хлеба или в крупу для каши.

– Думаю, что молоть картофель, и тем более в ручной мельнице, нельзя, миссис Муррей, – вежливо заметил Джейми.

– Вы так считаете? – Женщина критически оглядела содержимое корзины. – Что же тогда с ней делать?

– Ну, вы должны будете... – начал было Джейми, но сразу умолк.

Мне показалось, а скорее всего, так оно и было на самом деле, что Джейми никогда не видел, как готовят картофель, хотя много раз ел его во Франции. Я прятала улыбку, наблюдая, как беспомощно смотрит он на покрытый землей клубень, осторожно поворачивая его в руках. У Айена был такой же растерянный вид. Что же касается сэра Уолтера, то он, несомненно, был полным профаном в области приготовления картофельных блюд.

– Картофель можно испечь, – вновь пришел на помощь Фергюс, вынырнув из-под руки Джейми. Он аппетитно облизнул губы, глядя на картофель. – Его можно положить на горячие угли и испечь. А потом есть с солью, но еще лучше с солью и маслом, если оно у вас найдется.

– Масло у нас найдется, – облегченно вздохнул Джейми.

Он бросил картофелину миссис Муррей, словно ему не терпелось поскорее избавиться от нее.

– Вы сможете ее испечь, – объяснил Джейми.

– А еще ее можно сварить, – добавила я. – Или приготовить пюре, размяв ее в горячем виде и смешав с молоком. Или пожарить на сковороде. А кроме того, ее можно порезать кусочками и положить в суп. Суп от этого станет вкуснее. Картофель – универсальный овощ.

– Об этом и в книге говорится, – радостно подтвердил Айен.

Джейми с улыбкой взглянул на меня.

– А ты мне никогда не говорила, что умеешь готовить, англичаночка.

– Я не стала бы это утверждать, но сварить картошку я, наверное, смогла бы.

– Вот и хорошо, – заключил Джейми, бросив взгляд в сторону крестьян и их жен, которые передавали клубни из рук в руки, рассматривая их весьма подозрительно.

Он громко хлопнул в ладони, желая привлечь внимание присутствующих.

– Сегодня ужинать будем здесь, в поле, – объявил он. – Том и Уилли пойдут со мной за дровами для костра. Миссис Уилли, можно воспользоваться вашим большим котлом? О, конечно же, кто-нибудь из мужчин поможет принести его сюда. А ты, Кинкейд, – Джейми повернулся к молодому парню и махнул в сторону небольшой кучки батраков, расположившихся под деревьями, – пойди и объяви всем остальным: сегодня на ужин будет картофель.

Итак, с помощью Дженни и других женщин я из десяти ведер молока, взятых после вечерней дойки, трех кур, пойманных в курятнике, и четырех дюжин крупного лука-порея, выдержанного в огороде, сварила суп и нажарила картошки для хозяина Лаллиброха и его жителей.

Солнце уже опустилось за горизонт, когда еда была готова, но небо все еще светилось отблесками пунцово-золотистых лучей, пронизывающих густую зелень сосен, растущих на высоком холме.

Когда суп был разлит по чашкам, а картошка разложена по тарелкам, среди крестьян возникла некоторая заминка, но праздничная атмосфера, созданию которой в немалой степени способствовало виски домашнего приготовления, развеяла сомнения, и вскоре все жители Лаллиброха с удовольствием поглощали неведомые доселе блюда.

– Доркас, не кажется тебе, что вкус у этой картошки немного странный? – спросила некая женщина своего соседа.

– Есть немного, – ответил он, – но хозяин съел штук шесть картофелин, и с ним пока ничего не случилось.

Мужчины и дети приняли новую пищу с восторгом, особенно после того, как по моему совету добавили в нее масло.

– Мужчины съедят и лошадиный навоз, если сдобрить его маслом, – заметила Дженни. – Что еще нужно мужчинам? Только набить живот да где-нибудь притулиться, чтобы выспаться после пьянки.

– Хорошо же ты думаешь о нас с Джейми, – поддел ее Айен.

Дженни махнула половником в сторону мужа и брата, сидящих рядом на земле:

– А вы двое вовсе и не мужчины.

Лохматые брови Айена поползли вверх, Джейми был удивлен не меньше:

– Не мужчины? Тогда кто же?

Дженни с улыбкой повернулась к ним, белые зубы блеснули в свете костра. Она погладила Айена по голове и, поцеловав в лоб, сказала:

– Вы мои сладкие.

* * *

После ужина один из мужчин запел. Другой достал деревянную флейту и стал ему аккомпанировать. Нежные звуки инструмента разносились в ночи далеко окрест. Прохладным, безветренным вечером было приятно сидеть, завернувшись в пледы и одеяла, у костра в тесном семейном кругу. После того как сварили еду, в костер подбросили веток, и он запылал ярким пламенем.

Айен пошел за очередной охапкой дров, а маленькая Мэгги забралась к матери на колени, совершенно вытеснив своего старшего брата. Через минуту послышался голос Джейми:

– Я тебя предупреждал, что окуну вот в тот чайник вверх тормашками, если ты не прекратишь. Но ты отчаянно сопротивляешься. У тебя что, муравьи в штанах? Поэтому ты не можешь посидеть спокойно?

Маленький Джейми тем временем подбежал ко мне и стал карабкаться ко мне на колени. Замечание Джейми-старшего было встречено веселым смехом, а малыш все никак не мог уговориться. Тогда Джейми вдруг подхватил племянника и, повалив на землю, затеял с ним возню. Он сорвал пучок травы и сунул его малышу за шиворот, чем вызвал необычайный восторг мальчика.

– Ну а теперь пойд и помучь немного свою тетю, – сказал Джейми, вдоволь навозившись с мальчуганом.

Маленький Джейми снова проворно вскарабкался ко мне на колени, не переставая хихикать и заигрывать с Джейми-старшим. Наконец он успокоился, насколько это возможно для шустрого четырехлетнего мальчугана. Я вытащила пучок травы у него из-за ворота рубашки.

– Как вкусно ты пахнешь, тетушка, – сказал он, упираясь мне в подбородок темноволосой кудрявой головкой.

– Спасибо, – сказала я. – Ты, наверное, проголодался?

– Да, дай мне молока.

Я придвинула к себе глиняный сосуд, заглянула в него, собираясь наполнить чашку, но молока оказалось мало, поэтому я напоила ребенка прямо из кувшина. Выпив все до последней капли, маленький Джейми вдруг сник, и я почувствовала, как тело его сделалось горячим, как это бывает перед глубоким сном в раннем детстве. Я укрыла мальчика полкой своего плаща и стала медленно покачивать, стараясь попадать в ритм песни, которую распевали у костра. Моя рука ласково касалась маленьких, круглых и твердых, как мрамор, ягодиц ребенка.

– Уснул?

Очертания головы и плеч Джейми-старшего смутно вырисовывались в свете костра. Огонь поблескивал на эфесе его шпаги и отсвечивал медью в волосах.

– Да. По крайней мере, не ерзает, так и кажется, что держишь на коленях огромный окорок.

Джейми засмеялся было, но сразу смолк. Я почувствовала, как напряглась его ладонь, поглаживавшая мою руку, и ощутила тепло его тела сквозь складки пледа. Ночной ветерок развеивал мои волосы; я смахнула рукой упавшую мне на лицо прядь и обнаружила, что маленький Джейми был прав: мои руки действительно пахли луком и маслом и отдавали крахмальным запахом резаной картошки. Спящий ребенок был довольно тяжелым, и вскоре у меня онемела

левая нога. Я попыталась переменить позу, но вдруг услышала негромкий голос Джейми, в нем звучала нежность:

– Не двигайся, англичаночка.

Голос его звучал ласково и нежно. Я замерла на месте и сидела так до тех пор, пока он не тронул меня за плечо.

– Все в порядке, англичаночка, – сказал он, улыбаясь. – Ты такая красивая при свете костра, и волосы твои, развевающиеся на ветру, прекрасны. Мне хотелось запечатлеть этот вечер в памяти навсегда.

Я повернулась к нему, радостно улыбаясь. Ночь была темной и холодной. Вокруг было много людей, но нам казалось, что мы одни в целом мире. Нам было светло и тепло рядом друг с другом.

Глава 33

Узы братства

Фергюс из молчаливого наблюдателя постепенно превратился в полноправного члена нашего клана. Он нашел себе работу по вкусу – на конюшне, вместе с Рэбби Макнабом.

Будучи на год или два младше, Рэбби был одного с ним роста. Вскоре мальчики стали неразлучными друзьями, если не считать случаев, когда ссорились, а это происходило два-три раза в день, и тогда они были готовы убить друг друга. После того как однажды утром их ссора перешла в кулачный бой, сопровождающийся пинками, в результате чего мы лишились двух кастрюль сливок, предназначенных для приготовления сметаны, терпение Джейми иссякло и он решил всерьез заняться ими. С непреклонным видом схватив провинившихся за шиворот, он повел их в амбар и, я полагаю, отбросив все свои сомнения относительно целесообразности телесных наказаний, задал им хорошую трепку. Через некоторое время он вышел из амбара, сокрушенно покачивая головой и застегивая ремень, и отправился с Айеном в долину Брех-Мордха. Мальчики появились спустя несколько минут после него, понурые, но снова – неразлучные друзья.

Они и в самом деле пребывали в таком подавленном состоянии, что разрешили маленькому Джейми находиться на конюшне, пока сами занимались обыденной работой. Выглянув позже в окно, я увидела, как все трое играют во дворе в тряпичный мяч. Был холодный, морозный день, и выдыхаемый мальчишками воздух облачком поднимался вверх.

– Какой замечательный у тебя малыш, – сказала я Дженни, перебиравшей содержимое своей корзины для рукоделия в поисках пуговицы.

Она подняла голову, увидела, куда я смотрю, и улыбнулась:

– О да! Малыш Джейми – замечательный парень.

Она подошла ко мне, и мы вместе стали наблюдать за игрой ребят.

– Он – точная копия своего отца, – с гордостью заметила Дженни. – Но мне кажется, он будет гораздо шире его в плечах. И высоким, как его дядя. Видишь, какие у него ноги?

Я подумала, что Дженни права. Несмотря на то что Джейми был, в сущности, совсем маленьким – ему едва исполнилось четыре года, – у него были длинные ноги и широкие, мускулистые, хоть и по-детски, плечи. И широкая кость, как у старшего тезки.

Я наблюдала за тем, как маленький мальчик бросился к мячу, ловко схватил его и с силой швырнул в Рэбби Макнаба, чуть не угодив ему в голову. Рэбби успел отскочить в сторону, что-то сердито крикнув.

– И есть еще кое-что, что делает его похожим на дядю, – сказала я. – Мне кажется, он тоже будет левшой.

– Боже мой! – воскликнула Дженни, с тревогой вглядываясь в своего отпрыска. – Надеюсь, что это не так, но, может быть, ты и права.

Она покачала головой, вздыхая.

– Сколько мучений вытерпел бедный Джейми из-за того, что родился левшой. Все считали своим долгом отучить его от этой привычки, начиная с родителей и кончая школьным учителем, но он был упрямый как пень. Все, кроме отца Айена, – добавила она после небольшой паузы.

– Он не считал это чем-то ужасным? – полюбопытствовала я.

Мне было известно, что в прежние времена считалось, что родиться левшой в лучшем случае означает просто быть несчастливым, а в худшем – это метка дьявола. С большим трудом Джейми научился писать правой рукой, так как в школе его нещадно порол каждый раз за попытку писать левой.

Дженни снова покачала головой; черные волосы выбились из-под чепчика.

– Нет, он был мудрым человеком, старый Джон Муррей. Он говорил, что, если Бог решил, что Джейми должен быть левшой, негоже противиться его решению и пытаться изменить свою судьбу. А как он владел мечом, наш старый Джон! Поэтому отец прислушался к его мнению и позволил Джейми учиться владеть ударом левой.

– А я думала, сражаться левой рукой Джейми научил Дугал Маккензи, – сказала я.

Мне было очень интересно узнать, как Дженни относится к своему дяде Дугалу.

Она кивнула и послушав кончик нити, прежде чем быстро вдеть его в ушко иглы.

– Да, так оно и было, но уже позже, когда Джейми вырос и отправился в замок Дугала. Но первым его учителем был отец Айена.

Она улыбнулась, глядя на рубашку, лежавшую у нее на коленях.

– Помню, когда они были юными, старый Джон приказывал Айену стоять справа от Джейми, чтобы суметь защитить его в бою. Айен очень серьезно относился к советам отца и считал своим долгом всегда находиться справа от Джейми. Да, действительно, старый Джон был мудрым человеком, – снова повторила она, откусывая лишнюю нить. – Долгое время никто не мог побороть их, даже мальчишки Макнабы. Джейми и Айен оба были рослыми, сильными парнями, а когда они становились рядом плечом к плечу, сокрушить их было довольно трудно, даже если численное превосходство оказывалось на стороне противника.

Она вдруг рассмеялась и заправила прядь волос за ухо.

– Понаблюдай за ними, когда они шагают вдвоем по полю. Я думаю, у них это получается неосознанно, но Джейми всегда идет слева, Айен же – справа, как бы подстраховывая его.

Дженни приподнялась, чтобы глянуть в окно, забыв о рубашке, лежавшей на коленях. Она теперь, вставая со стула, обычно поддерживала руками начавший увеличиваться живот.

– Надеюсь, на сей раз будет мальчик, – сказала она, глядя сверху вниз на своего первенца. – Левше или нет, но любому мужчине нужен брат, который может прийти на помощь в трудную минуту.

Я заметила, что Дженни задержала взгляд на картине, висевшей на стене, где совсем маленький Джейми стоял между колен своего старшего брата Уилли. Оба мальчика были курносыми и очень серьезными. Рука Уилли покровительственно покоилась на голове младшего брата.

– Джейми повезло, что у него есть Айен, – заметила я.

Дженни отвела взгляд от портрета и смахнула слезинку. Она была двумя годами старше Джейми и тремя годами младше Уилли.

– Да, ему повезло, да и мне тоже, – тихо сказала она, поднимая упавшую рубашку с пола.

Я взяла детскую рубашку, предназначенную для починки, и вывернула ее наизнанку, чтобы зашить распоровшуюся пройму. На улице было довольно холодно, но разгорячившимся в игре ребятам, да и работающим мужчинам было тепло. Окна быстро заиндевели от мороза, изолировав нас от внешнего мира. В гостиной было тепло и уютно.

– Раз уж мы заговорили о братьях, – сказала я, продолжая вдевать нитку в иголку, – то скажи мне, тебе часто приходилось видеть Дугала и Колума Маккензи в детстве?

Дженни покачала головой.

– Я никогда в глаза не видела Колума. Дугал приезжал к нам раза два и даже привозил Джейми сюда, домой, на Хогманай,² но я не могу считать, что знала его.

Она живо взглянула на меня, и я прочитала в ее глазах любопытство.

– Да ведь ты-то и сама их знаешь. Скажи, что представляет собой Колум Маккензи? Мне всегда это было интересно, поскольку кое-что я слышала о нем случайно от гостей, но не от родителей.

Она помолчала немного, задумчиво наморщив лоб.

² Хогманай (англ.) – языческий шотландский праздник последнего дня в году (прим. ред.).

– Хотя нет, я ошибаюсь. Однажды папа сказал что-то о нем. Это было как раз в тот день, когда Дугал уехал домой, забрав с собой Джейми. Папа стоял, облокотившись о забор, и смотрел им вслед, а они быстро удалялись. Я подошла к нему, чтобы помахать Джейми рукой. Мне всегда становилось грустно, когда Джейми уезжал, потому что я не знала, когда он вернется. Итак, мы стояли и смотрели им вслед. Наконец отец выпрямился и сказал: «Да поможет Бог Дугалу Маккензи, когда его брат Колум умрет». Потом он, казалось, вспомнил, что я рядом, быстро повернулся, улыбнулся мне и сказал: «Ну, милая, как там насчет обеда? И забудь о том, что ты сейчас услышала».

Ее высоко поднятые черные, густые, красиво очерченные брови выражали недоумение.

– А сейчас я все время слышу, да и все это уже знают, что Колум серьезно болен и Дугал фактически выполняет все обязанности главы клана – собирает ренту, разрешает споры и ведет людей на бой, если возникает такая необходимость.

– Да, это так. Но...

Я помедлила, не зная, как лучше описать этот странный симбиоз.

– Словом, – сказала я с улыбкой, – однажды я случайно слышала, как они ссорились и Колум сказал, обращаясь к Дугалу: «Коль скоро у нас с тобой один член на двоих и одни мозги на двоих, я вполне счастлив обладать мозгами».

Дженни вдруг рассмеялась, удивленно уставившись на меня, затем удивление сменилось озорной улыбкой, и она стала необычайно похожа на Джейми.

– Вот оно что... я тоже слышала, как однажды Дугал говорил о сыне Колума – маленьком Хэмише, и в словах сквозила любовь и нежность скорее отца, нежели дяди.

– Ты бысто соображаешь, Дженни, слишком быстро. Чтобы разобраться в этом, мне потребовалось немало времени, и это при том, что я видела их каждый день.

Дженни скромно пожала плечами, но улыбка не сходила с ее губ.

– Я слушаю, что говорят люди. Что говорят и о чем умалчивают. А люди здесь, в горной Шотландии, иногда говорят ужасные вещи и, несомненно, любят посплетничать.

Она откусила нитку и снова обратилась ко мне:

– Расскажи мне, пожалуйста, о Леохе. Говорят, он огромный, но все-таки не такой, как Бьюли или Кильварек.

Мы проговорили все утро, занимаясь починкой детской одежды, потом прями шерсть и еще успели раскроить новое платье для Мэгги. Возгласы мальчиков за окном стихли, но слышались приглушенные голоса в доме и хлопанье дверей – по-видимому, Фергюс с Рэбби замерзли и пришли на кухню погреться.

– Наверное, сегодня будет снег, – проговорила Дженни, взглянув на окно. – Воздух насыщен влагой. Ты видела утром дымку над озером?

Я покачала головой.

– Надеюсь, снега не будет. В противном случае Джейми и Айену придется нелегко.

Деревня Брех-Мордха находилась на расстоянии не более десяти миль от Лаллиброха, но дорога пролегла по скалистым ступенчатым холмам и напоминала оленью тропу.

Но как назло, снег все же пошел вскоре после полудня и продолжался до самой ночи.

– Они остались в Брех-Мордхе, – сказала Дженни, внимательно осмотрев затянутое черными облаками небо. – Не беспокойся о них. Они уютно устроились на ночлег у кого-нибудь из местных жителей.

Она ободряюще улыбнулась мне, закрывая ставни. Неожиданно откуда-то снизу донесся отчаянный вопль. Дженни подобрала подол своей длинной ночной рубашки и поспешила вниз.

– Спокойной ночи, Клэр. Приятных тебе сновидений! – успела она крикнуть на ходу.

Обычно я спала хорошо. Несмотря на холодный сырой климат, в доме было уютно, построенный на совесть, он хорошо сохранял тепло, а кровати были застелены пуховыми оде-

ялами и матрацами. Но сегодня мне было беспокойно без Джейми. Кровать казалась слишком широкой и неудобной, ноги мерзли, их сводило судорогой.

Я легла на спину, закрыла глаза и, глубоко, размеренно дыша, попыталась представить, что Джейми здесь, рядом со мной, в надежде, что это поможет мне уснуть. Наверное, я и в самом деле уснула. Громкий крик петуха заставил меня подскочить в постели, как будто у меня под кроватью взорвался динамит.

– Идиот! – прошептала я, не в силах преодолеть волнение.

Подошла к окну и распахнула ставни. Снег прекратился, но небо из края в край по-прежнему было затянуто серыми облаками. Внизу, в курятнике, снова раздался крик петуха.

– Да замолчи же ты, пернатый болван! Сейчас глубокая ночь.

Крик петуха прорезал тишину ночи и замер где-то в горах. Потом заплакал ребенок, и Дженни принялась шепотом его утешать.

– Ты кричишь в неположенное время, – сказала я невидимому нарушителю спокойствия.

Ответа не последовало, и, убедившись, что это действительно кричал петух, я закрыла ставни и снова легла в постель.

Однако сон не шел. Смутная тревога нарушила ход моих мыслей и не давала возможности сосредоточиться. Тогда я решила заглянуть внутрь себя, сосредоточиться на своих внутренних органах в надежде, что это принесет расслабление и сон.

И в самом деле помогло. Когда мои мысли блуждали где-то около поджелудочной железы, я услышала сквозь дрему шаги маленького Джейми, прошлепавшие через холл к материнской спальне.

Проснувшись среди ночи по нужде, он часто, не сознавая, что надо всего-навсего сесть на горшок, пускался в длинное странствие из детской вниз по лестнице в родительскую спальню.

Отправляясь в Лаллиброх, я задавалась вопросом, не возникнет ли у меня сложностей во взаимоотношениях с Дженни и не стану ли я завидовать ее плодовитости. Возможно, я и завидовала бы, если бы не видела воочию всех трудностей материнства.

– Ведь твой ночной горшок стоит рядом с кроватью, – слышала я раздраженный голос Дженни у дверей моей спальни, когда она вела маленького Джейми назад, в детскую. – Ты, наверное, даже наткнулся на него, когда шел ко мне. Почти каждую ночь ты приходишь ко мне, чтобы пописать в мой горшок. Зачем?

Постепенно ее голос затих, удаляясь, и я улыбнулась, продолжая мысленно исследовать свой кишечник.

Но была еще одна причина, по которой я не завидовала Дженни. Вначале я боялась, что после неудачных родов что-то нарушилось у меня внутри, но теперь эти опасения исчезли. По мере того как я заканчивала исследование своего организма и перед тем как погрузиться в глубокий сон, я почувствовала, что у меня все в порядке. Если я смогла зачать однажды, это может случиться снова. Нужно лишь время. И Джейми.

Шаги Дженни теперь были слышны с другой стороны. Она спешила уже на сонный плач Мэгги.

– Дети, конечно, радость, но требуют забот, – пробормотала я, засыпая.

* * *

В течение всего следующего дня, занимаясь домашними делами, мы неизменно ждали и прислушивались к каждому звуку, доходящему издалека.

– Их задержали там какие-нибудь дела, – говорила рассудительная Дженни.

Но я видела, что каждый раз, проходя мимо окна, она на секунду задерживается, чтобы бросить быстрый взгляд на тропинку, ведущую к дому.

Что касается меня, то мое воображение разыгралось вовсю. Письмо, подписанное королем Георгом и подтверждающее полное прощение Джейми, хранилось в одном из ящиков письменного стола в его кабинете. Джейми считал это унижительным и, если бы не я, давно сжег бы его, но я упростила на всякий случай сохранить письмо.

Сейчас воображение рисовало страшные картины. Прислушиваясь к звукам, долетающим сквозь вой зимнего ветра, я видела, как Джейми снова хватают солдаты в красных мундирах, бросают в тюрьму и ему грозит петля палача.

Мужчины вернулись лишь к вечеру. Лошади едва передвигались под тяжестью мешков с солью, они привезли также иголки для шитья, специи и другие мелочи, которые невозможно было разыскать в Лаллиброхе.

Я услышала лошадиное ржание у конюшни и бросилась вниз по лестнице, столкнувшись с Дженни, которая тоже выскочила из кухни.

Неописуемая радость охватила меня, когда я увидела в амбаре высокую фигуру Джейми. Я побежала через двор, прямо по снегу, и бросилась ему в объятия.

– Где ты, черт тебя поberi, так долго пропадал? – спросила я.

Прежде чем ответить, он крепко расцеловал меня. Его лицо было холодным, губы приятно пахли виски.

– Мм, на ужин сегодня колбаса? – с надеждой спросил он, принимаясь к моим волосам, пахнувших кухонным дымом. – Это хорошо. Я ужасно голоден.

– Сосиски с картофельным пюре, – сказала я. – Так где же ты был?

Он засмеялся, отряхивая снег с плеча.

– Сосиски с пюре. Это что – такая еда?

– Сосиски с картофельным пюре – прекрасное традиционное английское блюдо, совершенно неизвестное в Шотландии, до которой рукой подать. Так где же вы были эти два дня, противный шотландец? Мы с Дженни беспокоились о вас.

– Ну, с нами произошел несчастный случай... – начал Джейми и тут заметил маленькую фигурку Фергюса с фонарем. – О, ты принес фонарь, Фергюс? Вот молодец! Поставь его вон там, подальше, чтобы солома не загорелась, и отведи эту бедную скотину в конюшню. Когда освободишься, можешь отправляться ужинать. Надеюсь, ты еще в состоянии есть?

Он шутливо потрепал Фергюса за ухо. Мальчик увернулся и засмеялся в ответ. По-видимому, инцидент, имевший место в амбаре накануне, был полностью исчерпан и не оставил обиды у Фергюса.

– Джейми, – серьезным тоном продолжала я, – если ты не перестанешь говорить о еде и лошадях и не скажешь, что за несчастный случай произошел с вами, я дам тебе хорошего пинка, хотя сделать это мне будет нелегко, поскольку я в домашних туфлях, но уж постараюсь.

– Угрожаешь? – засмеялся он. – Ничего серьезного, англичаночка, мы только...

– Айен! – Дженни, замешкавшаяся с Мэгги, появилась как раз в тот момент, когда ее муж ступил в полосу света, отбрасываемую фонарем.

Удивленная тревогой, сквозившей в ее голосе, я повернулась и увидела, как она бросилась вперед и стала ощупывать лицо Айена.

– Что случилось? – повторяла она.

Каким бы незначительным ни был этот несчастный случай, он оставил заметный след на лице Айена. Один глаз у него наполовину заплыл, и на этом месте был огромный синяк. Вдоль одной щеки тянулся свежий шрам.

– Со мной все в порядке, – сказал он, ласково похлопывая обнимавшую его Дженни по спине.

Они обнялись, неловко зажав между собой маленькую Мэгги.

– Только небольшой синяк здесь и здесь.

– Спускаясь по склону холма в двух милях от деревни, по очень плохой дороге, мы спешили и вели лошадей под уздцы. Айен наступил на кротовую нору и сломал ногу, – объяснил Джейми.

– Деревянную ногу, – добавил Айен.

– Нам пришлось мастерить новую, поэтому мы и задержались, – подытожил Джейми.

– И все это из-за крота! – с досадой воскликнула Дженни.

Молчаливые, мы вошли в дом. Миссис Крук и я стали подавать ужин, а Дженни промыла рану на лице Айена настойкой лесного ореха и взволнованно расспрашивала о других ранах и ушибах.

– Ничего страшного, – уверял ее Айен. – Только синяки здесь и здесь.

Однако я заметила, что обычная его хромота еще больше усилилась. Мы перекинулись с Дженни несколькими успокоительными фразами, пока убирали тарелки, а когда собрались в столовой, чтобы разобрать привезенные сумки, она опустилась на коврик перед Айеном и попросила показать ей его новую ногу.

– Давай снимем ее, – твердо сказала она. – Ты поранился, и я хочу, чтобы Клэр осмотрела твою ногу. Она скорее поможет тебе, чем я.

Ампутация была проведена удачно и явно опытной рукой. Армейскому хирургу, который ампутировал голень, удалось спасти коленную чашечку и связки. Это позволяло Айену двигаться более свободно. Но при падении коленные связки послужили скорее помехой, нежели преимуществом.

При падении Айен сильно повредил ногу. Острый конец протеза поранил культю, и уже только поэтому было просто невозможно опираться на нее. Вдобавок оказалось вывихнутым колено. Оно распухло и воспалилось.

Добродушное лицо Айена было таким же красным, как и поврежденная конечность. Я понимала его состояние и знала, что он сейчас ненавидит себя за свою временную беспомощность. Смущение было так велико, что его можно было сравнить разве что с болью, которую причиняли его травмированной ноге мои прикосновения.

– Вот здесь у тебя порвано сухожилие, – сказала я, осторожно ощупывая опухоль под коленом. – Не могу сказать, насколько это серьезно, но достаточно серьезно. Здесь скопилась лимфа, поэтому нога опухла.

Джейми заглянул через плечо и нахмурился.

– Ты можешь ему помочь, англичаночка?

Я покачала головой.

– Вряд ли. Разве что наложить компресс, чтобы уменьшить опухоль.

Я посмотрела на Айена, стараясь придать своему лицу самое бодрое выражение, которому научилась у матушки Хильдегард.

– Сейчас тебе нужно лечь в постель. Завтра для утешения боли можно будет выпить виски. А сегодня я дам тебе настойку опия, чтобы ты мог уснуть. Полежи хотя бы недельку, посмотрим, как пойдут дела.

– Я не могу! – запротестовал Айен. – Мне нужно укрепить стену конюшни, прорыть сточные канавы на верхнем поле, наточить лемех у плуга и...

– И привести в порядок ногу, – твердо заявил Джейми.

Он бросил на Айена взгляд, который я называла «хозяйским», заставлявший безоговорочно подчиняться ему. Айен, выросший рядом с Джейми, деливший с ним детские забавы и наказания, всегда держался с ним на равных, поэтому не был столь сильно подвержен гипнотическому воздействию Джейми, как большинство обитателей поместья.

– Черта с два, – хладнокровно сказал он.

Его горячий взгляд вонзился в Джейми, в нем были и боль, и гнев, и жгучий протест, и еще что-то, чего я не поняла.

– Ты считаешь, что у тебя есть право приказывать мне?

Джейми отпрянул назад, покраснев так, словно получил пощечину.

– Нет, я далек от того, чтобы приказывать тебе. Но могу я попросить тебя немного поберечься?

Их глаза встретились, и некоторое время мужчины вели безмолвный диалог на языке, понятном только им двоим. Плечи Айена поникли, он расслабился и кивнул, криво улыбаясь.

– Попросить можешь.

Он вздохнул; морщась от боли, потрогал шрам на щеке, потом протянул руку Джейми и, пересилив себя, попросил:

– Помоги мне добраться до спальни.

На одной ноге Айену нелегко было преодолеть два лестничных пролета, но наконец все было позади. У дверей спальни Джейми передал Айена на попечение Дженни. Я не особенно понимаю гэльскую речь, но мне показалось, что Айен сказал что-то вроде: «Всего тебе хорошего, брат».

Джейми помолчал, затем обернулся и, улыбаясь, сказал в ответ:

– Тебе тоже, брат.

Я пошла вслед за Джейми в нашу комнату. По его осанке было видно, что он очень устал, но мне хотелось поговорить с ним перед сном.

«У меня только синяки, здесь и здесь», – сказал Айен, успокаивая Дженни.

Это была правда. Синяки у него были. Но кроме синяков на лице и ноге я заметила их еще у него на шее. Нет, подумала я, крот тут ни при чем.

* * *

Вопреки моим ожиданиям Джейми не собирался немедленно заснуть.

– О, разлука делает любовь горячее! – воскликнула я.

Кровать, вчера казавшаяся такой широкой, стала маленькой.

– Мм... – пробормотал он в ответ, прикрыв глаза. – Любовь? О, это прекрасно. Продолжай, пожалуйста. Как приятно слышать такие слова.

– Хорошо. Только позволь мне задуть свечу.

При открытых ставнях в комнате было светло от снега и без свечи, и я отчетливо видела Джейми, нежившегося под теплым одеялом. Я присела рядом, взяла его правую кисть и нежно погладила ее.

Он глубоко вздохнул и даже застонал, когда я приступила к массажу, начав с кончика большого пальца. Затекшие от долгого держания поводьев пальцы постепенно согрелись и расслабились. В доме было тихо, в комнате холодно. Мне было приятно ощущать тепло его тела и наслаждаться интимностью прикосновений.

Стояла зима, ночи были длинными. Я улучила удобный момент и спросила:

– Джейми, кто же так изувечил Айена?

Он явно ждал этого вопроса, а потому ответил сразу же, не открывая глаз, однако тяжело вздохнув при этом:

– Я.

– Что?!

Я уронила его руку, потрясенная, а он принялся сжимать и разжимать кулак, проверяя работу пальцев. Затем положил руку на простыню, показав мне костяшки пальцев, после столкновения с лицом Айена.

– Но почему? – спросила я, потрясенная.

Я заметила, что с некоторых пор в отношениях между Айеном и Джейми возникла какая-то напряженность, но враждебностью это тоже нельзя было назвать. Я не могла себе представить, что могло побудить Джейми ударить друга. Ведь Джейми любил его так же, как Дженни.

Джейми открыл глаза, но по-прежнему не смотрел на меня. Он беспрестанно потирал костяшки пальцев, внимательно их разглядывая. Кроме небольших синяков на руке, никаких следов насилия на теле Джейми не было. Судя по всему, Айен не оказывал ему сопротивления.

– Видишь ли, Айен уже так долго женат, – произнес он, словно оправдываясь.

– Сказать так – все равно что сказать: «Он долго не был на солнце», – заметила я, тупо уставившись на него. – Может, у тебя жар?

– Нет, – ответил он, уклоняясь от моих попыток пощупать его лоб. – Перестань, англичаночка. Со мной все в порядке.

Он крепко стиснул губы, собрался с силами и рассказал мне всю историю.

– Айен действительно сломал протез, угодив ногой в кротовую нору возле Брох-Мордха. Начинало вечереть, а у нас оставалось еще много дел в деревне, и тут пошел снег. Я видел, что у Айена сильно болит нога, хотя он упорно твердил, что может ехать. Нам повезло: неподалеку находилось два или три дома. Я посадил Айена на пони, и мы отправились просить пристанище на ночь. Нас приняли с присущим шотландцам гостеприимством и предложили ночлег и ужин, состоящий из миски теплого бульона и овсяных лепешек. Уложили на соломенном тюфяке возле очага. Правда, тюфяк оказался довольно узкий, но мы улеглись, тесно прижавшись друг к другу, и вскоре заснули.

Джейми глубоко вздохнул и, смущенно взглянув на меня, продолжал:

– Ну, я очень устал после трудного путешествия и спал крепко. Думаю, Айен спал так же крепко. За последние пять лет, а это не так уж мало, он привык постоянно чувствовать рядом Дженни, вот и вчера, наверное, спросонья принял меня за Дженни, обнял и поцеловал в затылок. А я, – тут он запнулся и так густо покраснел, что это было видно даже при слабом свете луны, освещающей комнату, – я спросонья решил, что это Джек Рэндолл.

Я слушала эту историю, не смея дышать. И только тут почувствовала облегчение.

– Наверное, Айен был в шоке, – сказала я.

Рот Джейми искривился.

– Видимо, да. Я повернулся и ударил его по лицу, а через минуту уже сидел верхом на нем и дубасил изо всех сил. Хозяева тоже страшно перепугались. Потом я объяснил им, что мне привиделся какой-то кошмар, что, в сущности, и было правдой. Я никогда не забуду эту сцену: Айен, избитый, стонет в углу, а хозяйка дома, похожая на жирную сову, сидит с растерянным видом на кровати и непрерывно повторяет: «Кто, кто?»

Я невольно рассмеялась, представив себе эту сцену.

– Боже мой, Джейми! А как же Айен?

Джейми слегка пожал плечами.

– Ты ведь видела его. Через некоторое время все снова улеглись спать, а я пролежал без сна всю оставшуюся часть ночи, уставившись в потолок.

Джейми не противился, когда я взяла его левую руку и стала осторожно поглаживать поврежденные костяшки пальцев. Его пальцы переплелись с моими.

– На следующее утро мы снова отправились в путь, – продолжал Джейми, – я дождался, когда мы остановимся для привала, и рассказал Айену всю историю, связанную с Рэндаллом.

Сейчас мне стал понятным странный взгляд, которым Айен наградил Джейми. И напряженное выражение на лице Джейми, и круги под глазами. Не находя нужных слов, я молча слегка стиснула его ладонь.

– Я не думал, что смогу кому-нибудь рассказать об этом, кроме тебя, англичаночка, – проговорил он, сжимая в ответ мою ладонь. – Что касается Айена... ведь он... – Джейми старался подыскать как можно более точные слова: – Он ведь знает меня, как ты считаешь?

– Конечно. Вы знаете друг друга всю жизнь.

Он кивнул, глядя невидящим взглядом в окно. Снова пошел снег, легкие снежинки кружились в воздухе и мягко ложились на землю. И земля была белее, чем само небо.

– Айен всего лишь на год старше меня. В детстве мы всегда были рядом. Не было дня, чтобы мы не виделись, пока я жил дома. И даже когда в четырнадцать лет я отправился с Дугалом в Леох, а позже – учиться в Париж, я не забывал о нем никогда. И стоило мне хоть ненадолго вернуться домой, я тотчас спешил к нему, и мы оба ощущали себя так, будто вовсе и не расставались. Мы просто улыбались друг другу и уже не расставались, бродили по полям и горам и без конца разговаривали обо всем на свете.

Он вздохнул и провел рукой по волосам.

– Айен – словно часть меня самого, которая всегда оставалась здесь, независимо от того, где находился я сам, – сказал он, старательно подбирая слова. – И я подумал... Я должен рассказать ему. Мне не хотелось нарушать... это единство. Мне хочется остаться частью Айена. Частью Лаллиброха.

Он указал жестом на окно, затем повернулся ко мне.

– Ты понимаешь меня?

– Мне кажется, да, – снова сказала я ласково. – Ну а Айен?

Джейми опять передернул плечами, словно рубашка была ему узка и стесняла его.

– Трудно сказать. Вначале, когда я стал рассказывать, он только покачивал головой, как будто не веря мне, а когда наконец поверил...

Джейми умолк и облизнул губы. И я поняла, как тяжело дался ему разговор с другом.

– Я видел, что Айену хочется вскочить на ноги и начать ходить взад-вперед, но он не мог из-за ноги. Он лишь сжимал и разжимал кулаки, лицо его сделалось белее снега, и он неустанно повторял: «Как? Как? Джейми, как ты мог позволить ему сотворить с тобой такое?»

Джейми покачал головой.

– Не помню, что я отвечал и что еще говорил он. Я только помню, что мы кричали друг на друга. И что он хотел ударить меня, но не смог, опять же из-за ноги.

Джейми горько усмехнулся.

– Мы были похожи на пару дураков, размахивающих руками и кричащих друг на друга. Но я перекричал его, и он дослушал меня до конца. Потом вдруг замолчал я и уже не мог говорить. Мне показалось это совсем не нужным. Я сел на камень и обхватил голову руками. Через некоторое время Айен окликнул меня, сказав, что пора продолжать путь. Я кивнул, поднялся, помог ему сесть на лошадь, и мы молча поехали дальше.

Джейми почувствовал, насколько крепко сжимает мне руку, и ослабил хватку, но продолжал медленно передвигать обручальное кольцо у меня на пальце.

– Мы долго ехали молча, – тихо продолжал Джейми. – Вдруг я услышал какой-то странный, хлюпающий звук. Я пришпорил свою лошадку и, догнав Айена, заглянул ему в лицо. Он плакал. Слезы ручьем текли по лицу. Он понял, что я заметил его слезы, и, хоть все еще был очень сердит, протянул мне руку. Я принял ее. Его рукопожатие было таким сильным, что у меня затрещали кости. Так мы доехали до дома.

Я чувствовала, как напряжение покидает Джейми.

«Всего тебе хорошего, брат», – сказал Айен, балансируя на одной ноге перед дверью спальни.

– Значит, теперь все в порядке? – спросила я.

– Думаю, что так.

Он полностью расслабился, уютно устроившись на мягкой пуховой перине. Я нырнула под одеяло и прижалась к нему. Мы смотрели на падающий снег, тихо шуршащий за стеклом.

– Я рада, что ты наконец дома, – сказала я.

* * *

Когда я проснулась на следующий день, за окном было такое же серое утро, как накануне. Уже одетый, Джейми стоял у окна.

Он заметил, что я подняла голову от подушки.

– Проснулась, англичаночка? Хорошо. А я привез тебе подарок.

Он полез в свою кожаную сумку и вытащил несколько медных монет, два или три маленьких камешка, маленькую палочку, обмотанную леской, скомканное письмо и спутанный клубок лент.

– Ленты? – удивилась я. – Спасибо. Они замечательные.

– Нет, это не для тебя, – сказал он, нахмурившись, так как ему пришлось вынимать запутавшуюся в голубых лентах сушеную лапу крота – средство от ревматизма. – Это для Мэгги.

Он подозрительно оглядывал камни, лежащие у него на ладони, и, к моему удивлению, взял один и лизнул.

– Нет, не этот, – пробормотал он и положил камень назад в сумку.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась я, с любопытством наблюдая за его действиями.

Он ничего не ответил, но вытащил вторую пригоршню камней, понюхал их и выбрал, кажется, тот, который искал. Его он тоже лизнул для верности и положил мне на ладонь, улыбаясь.

– Янтарь, – довольный, произнес он, когда я потрогала один кусочек неправильной формы.

Он казался теплым на ощупь, и я почти инстинктивно сжала его в руке.

– Его, конечно, нужно отполировать, – объяснил Джейми. – Я подумал, что из него получится красивое ожерелье.

Он чуть покраснел, не сводя с меня глаз.

– Это... это подарок к первой годовщине нашего супружества. Когда я увидел его, то вспомнил кусочек янтара, подаренный тебе Хью Мунро в день нашей свадьбы.

– Я до сих пор храню его, – сказала я, доставая подарок.

В небольшом кусочке янтара, подаренном мне Хью, одна сторона была отполирована и представляла собой маленькое оконце, в котором виднелась застывшая в полете стрекоза. Я хранила этот амулет в своей медицинской сумке и считала его самым сильным из всех оберегов, имеющихся у меня. Подарок к годовщине свадьбы. Конечно, мы поженились в июне, а не в декабре. Но в день первой годовщины Джейми находился в тюрьме, а я... я в руках короля Франции. Нам тогда было не до свадебных торжеств.

– Скоро Хогманай, – сказал Джейми, глядя в окно на снег, окутавший белым одеялом поля Лаллиброха. – Подходящий момент начать все сначала.

– Мне тоже так кажется.

Я встала с постели и, подойдя к окну, где стоял Джейми, обняла его. Мы стояли прижавшись друг к другу. И молчали до тех пор, пока я не заметила другие маленькие желтоватые камешки, которые Джейми достал из своей сумки.

– А это что, Джейми? – удивленно спросила я, отстраняясь от него, чтобы получше рассмотреть камешки.

– Это? Это медовые шарики, англичаночка. – Он поднял один и отер с него пыль. – Мне дал их в деревне мэтр Гибсон. Очень вкусные, только, кажется, немного запачкались у меня в сумке.

Он протянул мне шарик на открытой ладони и сказал, улыбаясь:

– Хочешь?

Глава 34

Почтальон всегда звонит дважды

Я не знала, что именно и как Айен рассказал Дженни о злополучном происшествии в Брох-Мордхе. Она относилась к своему брату по-прежнему, но в ее тоне иногда сквозила доброжелательная усмешка. Я знала ее довольно хорошо, чтобы понять, что одним из лучших ее качеств была способность ни при каких обстоятельствах не проявлять своей антипатии к собеседнику.

Дружба и согласие, установившиеся сразу же между нами четверыми, еще более окрепли за месяцы, которые мы провели под одной крышей. Взаимное уважение и доверие были просто необходимы – так много предстояло сделать.

Роды Дженни приближались, все больше домашних дел ложилось на мои плечи. Невестка стала чаще полагаться на меня. Я никогда не думала о том, чтобы занять ее место. После смерти матери домашнее хозяйство полностью перешло в руки Дженни, и именно к ней чаще всего обращались прислуга и батраки. Однако со временем обитатели Лаллиброха привыкли ко мне и выказывали дружеское расположение, граничащее с глубоким уважением, а иногда почти с благоговением.

Весна ознаменовалась посадкой огромного количества картофеля. Почти половина земель была отведена под эту новую культуру. Правильность такого решения подтвердилась, когда молодые ростки ячменя были побиты сильным градом, а картофельная ботва уцелела. Вторым важным событием весны было рождение у Дженни и Айена второй дочери – Кэтрин Мэри. Она появилась на свет совершенно неожиданно для всех, даже для Дженни. Как-то днем Дженни пожаловалась на боль в спине и пошла прилечь. Очень скоро стала ясна истинная причина ее недомогания. Джейми бросился сломя голову к миссис Мартинс – акушерке.

Они появились как раз вовремя, чтобы выпить по бокалу праздничного вина. Пронзительный плач новорожденной эхом отзывался повсюду в доме.

Итак, все шло своим чередом, и я успокоилась, постепенно забывая пережитое. Сердце мое было полно любви и заботы о близких.

Письма приходили нерегулярно. Иногда раз в неделю, иногда раз в месяц, а то и реже. Принимая во внимание расстояние, которое приходилось преодолевать посыльному, чтобы доставить почту в Лаллиброх, я дивилась даже этим нечастым визитам.

Однако сегодня нам доставили огромный пакет писем и книг, упакованный по случаю плохой погоды в промасленную пергаментную бумагу и перевязанный шпагатом. Отправив посыльного на кухню перекусить, Дженни аккуратно развязала бечевку и положила ее в карман. Она перебрала маленькую стопку писем, отложив на время в сторону нарядный пакет, пришедший из Парижа.

– Письмо Айену. Должно быть, счет за семена; письмо от тети Йокасты – о, это хорошо, от нее не было вестей уже несколько месяцев. Я думала, что она больна, но конверт подписан ее рукой и твердым почерком.

Письмо с крупными черными буквами на обороте было отложено в стопку Дженни. Туда же последовали письма от замужних дочерей Йокасты. Одно письмо Айену из Эдинбурга, а вот – для Джейми, от Джареда. Я узнала его тонкий, неразборчивый почерк. Следующим был толстый конверт с геральдической печатью Стюартов. Скорее всего, послание Карла, полное стенаний по поводу трудностей парижской жизни и рассуждений на тему неразделенной любви. К счастью, на этот раз оно было коротким. Обычно он писал на нескольких страницах, изливая душу перед «любезным Джейми». Письма изобиловали ошибками, но, по крайней мере, было ясно, что для личных писем принц не пользовался услугами секретаря.

– О, три французских романа и книга стихов из Парижа! – воскликнула Дженни, сняв бумажную обертку с книг в кожаных переплетках.

Она благоговейно касалась пальцем тисненных золотом букв на обложках.

Дженни страстно любила книги, почти так же, как Джейми любил лошадей. В доме имела небольшая библиотека, и вечерами, в короткие часы досуга перед сном, она обязательно читала.

– Это дает мне пищу для размышлений во время работы, – объяснила она, когда однажды вечером я застала ее падающей от усталости, но с книгой в руках.

Я убеждала ее лечь спать, вместо того чтобы читать вслух для Айена, Джейми да и для меня тоже. Она зевнула, прикрыв рот рукой, и сказала: «Даже если я ваюсь от усталости и едва различаю строчки, все равно на следующий день, когда я пряду или валяю шерсть, они снова всплывают в моей памяти, и я как бы заново читаю их».

Я улыбнулась при упоминании о валянии шерсти, поскольку была убеждена, что почти все женщины Лаллиброха валяли шерсть, отдавая должное не только традиционным народным напевам, но и ритмам Мольера или Пирона.

Внезапно мне вспомнился сарай для валяния шерсти, где женщины сидели двумя длинными рядами лицом друг к другу. Они были одеты в свою самую старую одежду и непременно босиком. Упираясь спиной в стену сарая, колотили ногами по длинному влажному рулону шерсти, сбивая его в тугой войлок, который потом защитит их самих и их близких от шотландских туманов и дождей, спасет от простуды.

Время от времени какая-нибудь из женщин вставала и выходила, чтобы через некоторое время вернуться с чайником нагретой до кипения мочи. Подобрав высоко юбку, она проходила босиком прямо в центр сарая и выливала содержимое чайника на шерсть. Душные горячие пары поднимались вверх, а валяльщицы прятали ноги от случайных брызг и отпускали соленые шутки.

– Горячая моча быстро отбеливает, – объяснила мне одна из женщин, когда я впервые заглянула в сарай.

Глаза мои сразу же заслезились, а все молча наблюдали, что же я стану делать.

Но валяние шерсти было для меня не таким уж невыносимым делом после того, что я видела на войне и в госпиталях. И если не обращать внимания на запах, сарай для валяния шерсти был теплым, уютным местом, где женская половина Лаллиброха собиралась вместе, шутила, беседовала и пела.

Мои мысли были прерваны тяжелыми шагами в прихожей и волной холодного воздуха, хлынувшей в дом через открывшуюся уличную дверь. Это пришли Джейми с Айеном. Они оживленно разговаривали между собой на родном гэльском наречии. Судя по характеру беседы, можно было с уверенностью сказать, что речь шла, конечно же, о каких-то фермерских делах.

– Это поле нужно во что бы то ни стало осушить к следующему году, – услышала я голос Джейми.

Дженни сразу же отложила почту и вышла в прихожую, чтобы достать чистые полотенца из сундука.

– Вытритесь, прежде чем ступить на ковер, – приказала Дженни, протягивая каждому по полотенцу. – И снимите свои грязные ботинки. Кстати, пришла почта. Тебе письмо, Айен. Кажется, по поводу семян картофеля, которые ты заказывал.

– Прочту обязательно, но не дашь ли ты нам сначала чего-нибудь поесть, – сказал Айен, старательно вытирая волосы полотенцем. Он тер их до тех пор, пока густая темная шевелюра не стала торчком. – У меня уже от голода живот к спине прилип, и у Джейми тоже.

Джейми тряс головой, как мокрая собака, заставлял сестру вскрикивать, когда холодные капли воды разлетались по всей комнате. Его рубашка промокла насквозь и прилипла к телу, а надо лбом повисли пряди мокрых волос цвета ржавого железа.

Я накинула полотенце на шею Джейми:

– Заканчивай вытираться, а я пойду принесу тебе что-нибудь перекусить.

Я была на кухне, когда услышала, как он вскрикнул. Мне никогда не приходилось слышать что-нибудь подобное. В его голосе были и отчаяние, и ужас, и безысходность. Так может кричать лишь человек, попавший в лапы тигра. Я не раздумывая бросилась в гостиную с подносом овсяных лепешек в руках.

Влетев в комнату, я увидела Джейми стоящим у стола, на котором Дженни разложила почту. Он был смертельно бледен и покачивался, словно подрубленное дерево.

Я до смерти перепугалась.

– Что случилось? – взволнованно спрашивала я. – Джейми, что случилось?

С видимым усилием он поднял со стола одно из писем и протянул его мне.

Я поставила поднос с лепешками на стол и быстро пробежала глазами содержание письма. Оно было от Джареда.

«Дорогой кузен, – читала я про себя, – так приятно... не могу передать словами свое восхищение... ваша отвага и мужество... несомненно, будут иметь успех... я буду молиться за вас».

Я недоуменно взглянула на Джейми:

– О чем это он пишет? Что ты сделал, Джейми?

За эти несколько мгновений лицо Джейми осунулось, и он почти простонал, вытаскивая другой лист бумаги, дешевого вида рекламный листок.

– Дело совсем не в том, что я что-то сделал, англичаночка.

Я вновь взглянула на широкий лист. Его венчал фамильный герб Стюартов. Помещенный под ним текст был изложен сухим канцелярским языком.

Он гласил, что божьей милостью король Яков Восьмой Шотландский и Третий Английский и Ирландский заявляет о своих правах на трон всех трех королевств и надеется на поддержку вождей шотландских кланов, лордов-якобитов и всех прочих лиц, преданных его величеству королю Якову. Далее предлагалось этим преданным людям подписать изложенное выше соглашение о сотрудничестве.

Мои руки похолодели, и меня охватил такой ужас, что я чудом не потеряла сознание. Перед глазами поплыли черные круги, кровь бешено стучала в висках.

Внизу стояли подписи вождей шотландских кланов, готовых пожертвовать своей жизнью и репутацией ради Карла Стюарта: Кланраналд, Гленгарри, Стюарт из Аппина, Александр Макдональд из Кепоха, Ангус Макдональд.

А завершал список Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрэзер, Брок-Туарах.

– Чертов Иисус Христос, – прошептала я, хотя мне хотелось выразиться еще крепче. – Этот подонок подписался здесь вместо тебя!

Джейми, все еще бледный, уже немного пришел в себя.

– Именно так, – коротко бросил он, и его рука скользнула к другому письму с печатью Стюартов.

Джейми поспешно сорвал печать и дрожащими руками развернул письмо.

– Извинения, – произнес он хриплым от волнения голосом. – Извиняется за то, что у него нет времени послать мне документ для подписи, и потому подписывает его сам. Одновременно благодарит за преданность. Господи, что же мне делать?

Это был крик души, и я не знала, что на него ответить. Мне ничего не оставалось, как скрепя сердце наблюдать за мужем. А он тем временем опустил на подушечку для чтения молитв и сидел, молча уставившись на огонь в очаге. Дженни, присутствовавшая при этом,

тоже взяла письма и стала читать. Она читала их очень внимательно, шевеля при этом дрожащими губами, потом бережно положила на полированный стол. Некоторое время, нахмурившись, она смотрела на листки, затем перекрестила брата и положила руку ему на плечо.

– Джейми, – сказала она, и ее лицо сделалось мертвенно-бледным, – у тебя нет другого выхода. Ты должен идти сражаться за Карла Стюарта. Ты должен помочь ему одержать победу.

Смысл ее слов медленно проникал в мое сознание. Этот документ автоматически зачислял всех подписавших его в ряды мятежников и предателей английской короны. Не имеет значения, как и где удалось Карлу достать деньги для осуществления этого плана. Он полон решимости завладеть тронem и готовится к мятежу. А Джейми и я оказались невольно причастными к его планам. И Дженни права: у нас не было выбора.

Я прочла попавшуюся мне на глаза часть письма Карла, которое держал в руках Джейми.

«...Многие считают меня глупцом из-за того, что я ввязываюсь в это дело, не заручившись поддержкой короля Людовика или хотя бы его банков! Я не обращаю на это внимания и готов на все, лишь бы вернуться туда, откуда прибыл.

А теперь порадуйся за меня, мой дорогой друг, я возвращаюсь домой!»

Глава 35

Лунный свет

Начались приготовления к предстоящему отъезду. Все поместье было охвачено волнением. Оружие, тайно хранящееся с 1715 года под соломенными крышами, в стогах сена, в очагах, срочно извлекалось наружу и приводилось в боевую готовность. Под горячим августовским солнцем мужчины собирались группами, вели серьезные разговоры. Глядя на них, женщины становились молчаливыми.

Дженни, как и ее брат, умела быть непроницаемой для окружающих. Я же, никогда не умевшая скрывать свои мысли и настроения, порой завидовала ей. Поэтому когда однажды утром она попросила меня привести Джейми к ней в пивоварню, я никак не могла взять в толк – на что он ей там понадобился.

Джейми остановился позади меня возле двери, выжидая, когда глаза привыкнут к полумраку. Он с видимым удовольствием вдохнул горький влажный аромат.

– О-о... – мечтательно произнес он. – Здесь можно опьянеть от одного только запаха.

– Ну, тогда задержи дыхание на минуту, – посоветовала сестра, – ты нужен мне трезвый.

Он послушно набрал воздуха в легкие и надул щеки в ожидании.

– Клоун, – сказала она беззлобно и ткнула его в живот ручкой мешалки, при этом Джейми сложился пополам, шумно выпустив из себя воздух.

Он взял пустое ведро с полки, поставил его на пол вверх дном и сел. Слабый свет, проникавший сквозь окно, заклеенное вошанкой, придавал его волосам медный оттенок.

Теперь настала очередь Дженни набрать побольше воздуха в легкие.

– Джейми, я хотела поговорить с тобой насчет Айена.

– Что с ним такое?

От широкого чана, стоявшего в пивоварне, исходил аромат зерна, хмеля и спирта.

– Я хочу, чтобы ты взял Айена с собой.

Брови Джейми поползли вверх; он медлил с ответом. Взгляд Дженни был прикован к чану с суслом, в котором она ловко орудовала мешалкой. Он сидел в расслабленной позе, уронив большие руки между колен и задумчиво глядя на сестру.

– Устала от замужества? – доверительно спросил он. – Тогда, может быть, лучше вывести его в лес и пристрелить там ради твоего удовольствия?

Взгляд его голубых глаз, казалось, прожигал ее насквозь.

– Если мне понадобится кого-то поддержать, я сделаю это сама. Но в любом случае моей мишенью будет не Айен.

Джейми фыркнул, скривив губы.

– В чем же тогда дело?

Ее плечи задрожали.

– В том, о чем я тебя прошу.

Джейми принялся с нарочитой тщательностью разглядывать кривой шрам на среднем пальце правой руки.

– Но ведь это опасно, Дженни, – спокойно возразил он.

– Я знаю.

Джейми медленно покачал головой, продолжая рассматривать свою руку. Кисть полностью зажила, но покалеченный средний палец и грубый рубец заметно деформировали ее.

– Разумеется, знаешь. – Теперь он смотрел в упор на сестру, начиная терять терпение. – Я знаю, что Айен рассказывал тебе всякие истории о боях во Франции, но реально ты все-таки не представляешь себе, что такое война. Это не облава на скотину. Это война, и не исключено, что каждый из нас может стать ее кровавой жертвой. Это...

Мешалка с силой стукнулась о стенку чана и погрузилась в жидкость.

– Не смей говорить, будто я не знаю, что такое война! – вскричала Дженни. – Истории, говоришь? А кто ухаживал за Айеном, когда он вернулся домой из Франции, оставив там пол-ноги, в лихорадке, которая чуть не свела его в могилу?

Она стукнула рукой по скамейке. Напряженные до предела нервы дали сбой.

– Это я-то не знаю? Я обирала червей с его культи, потому что у его собственной матери не хватало мужества на это! Я прижимала раскаленный нож к его ноге, чтобы дезинфицировать рану! Я чувствовала запах его горящей плоти, подобный запаху поджариваемой свинины, и слушала при этом его отчаянные крики! И ты после этого смеешь говорить мне, что я понятия не имею о войне!

Слезы градом катились по ее лицу. Она вытирала их прямо руками, не удосуживаясь отыскать платок в кармане своего платья.

Стиснув зубы, Джейми поднялся, достал платок из рукава и протянул его Дженни. Он знал, как успокоить ее, и стоял молча, выжидая, когда она выплечется.

– Итак, ты знаешь, что такое война, и тем не менее хочешь, чтобы я взял Айена с собой?

– Да. – Дженни высморкалась, вытерла нос платком Джейми и спрятала его в карман. – Он прекрасно знает, что его ждет. Даже слишком хорошо знает. И все же он хочет ехать с тобой. У него есть лошадь. Ему не придется идти пешком.

Джейми сделал нетерпеливый жест рукой.

– Мужчина имеет право исполнить свой долг так, как он его понимает. На каком основании ты решаешь за него?

Вновь разволновавшись, Дженни вытащила мешалку из чана и встряхнула ею. Коричневые капли суслы упали в бадью.

– Он не просил тебя, верно? И не спрашивал, понадобится он тебе или нет.

– Не спрашивал.

Она вновь опустила мешалку в чан и принялась мешать сусло.

– Он думает, что ты отвергаешь его потому, что он калека и тебе не будет от него никакой пользы. – Ее голубые глаза, точь-в-точь такие, как у Джейми, выражали боль и тревогу. – Ты знал Айена прежнего. Сейчас он совсем другой.

Джейми кивнул, вставая на ноги.

– Другой, но ничуть не хуже прежнего. Так, сестра? – Он смотрел на нее и улыбался. – Он счастлив с тобой, Дженни. С тобой и с детьми.

Она кивнула, тряхнув черными кудряшками.

– Да, счастлив, – растроганно проговорила она. – Но это потому, что для меня он – настоящий мужчина, целый и невредимый и таким останется всегда.

Она взглянула прямо в глаза брату.

– Но если он поймет, что не нужен тебе, он потеряет себя. Поэтому я прошу тебя взять его с собой.

Джейми уперся локтями в колени, крепко сцепил руки и положил на них подбородок.

– Здесь будет не так, как было во Франции, – задумчиво сказал он. – Сражаясь там, ты рисковал потерять жизнь в бою. Здесь...

Он помолчал немного и продолжал:

– Дженни, здесь совсем другое. Если Стюарты потерпят неудачу, все их сторонники пойдут на эшафот.

Ее и без того бледное лицо помертвело, но руки продолжали двигаться в привычном ритме.

– У меня нет выбора, – продолжал Джейми, устремив взгляд на сестру. – Но зачем тебе рисковать нами обоими? Ты хочешь увидеть Айена на виселице, хочешь увидеть, как огонь

будет пожирать его плоть? Ты готова ради удовлетворения его самолюбия воспитывать детей без отца?

Его лицо сделалось таким же серым, как у Дженни.

Движения мешалки замедлились, но голос прозвучал твердо.

– Мне нужен настоящий мужчина – или никакой, – решительно заявила она.

Джейми долго сидел молча, наблюдая за методичным движением мешалки в руках сестры.

– Хорошо, – тихо произнес он.

Она не взглянула на него и не замедлила темпа работы, но белый чепчик на голове, казалось, чуть-чуть качнулся в его сторону.

Джейми шумно вздохнул, поднялся и резко повернулся ко мне.

– Пошли отсюда, англичаночка, – сказал он. – Сегодня я должен напиться.

* * *

– Почему ты решил, что имеешь право приказывать мне? – Вены на висках Айена вздулись и посинели.

Дженни крепко сжала мою руку.

Сообщение Джейми о том, что Айен должен отправиться вместе с ним, чтобы сражаться на стороне Стюартов, было воспринято вначале с недоверием, потом с подозрением и, наконец, с гневом.

– Ты – дурак! – вспылил Айен. – Я – калека, и ты это прекрасно знаешь.

– Я знаю, что ты отличный боец, и никого другого, кроме тебя, я не хотел бы видеть рядом с собой в сражении, – продолжал гнуть свою линию Джейми: он дал обещание Дженни и должен был исполнить его во что бы то ни стало. – Мы всегда действовали заодно. А сейчас ты оставишь меня одного?

Айен нетерпеливо махал рукой, отвергая это обвинение.

– Во время сражения всякое может случиться. А что, если моя нога вдруг соскочит или подвернется, хороший же из меня будет боец! Я буду лежать на земле, словно червяк, и ждать, когда первый же красномундирник³ заколет меня. И кроме того, – при этих словах Айен сердито нахмурился, – кто, по-твоему, будет здесь работать вместо меня, прежде чем ты навоюешься и согласишься вернуться?

– Дженни, – ответил Джейми, не задумываясь. – И потом, здесь останется достаточно мужчин, которые будут работать и присматривать за хозяйством. А вести счета она умеет.

Брови Айена подскочили вверх, и он произнес что-то грубое по-гэльски.

– Ты хочешь, чтобы я оставил ее здесь одну с тремя маленькими детьми? Парень, да ты просто спятил!

Всплеснув руками, Айен указал в сторону шкафа, где хранилось виски.

Дженни, которая сидела рядом со мной на диване, держа на коленях маленькую Кэтрин, слабо ахнула. Ее рука отыскала мою под складками наших юбок, и я сжала ее пальцы.

– Почему ты считаешь, что имеешь право приказывать мне?

Джейми хмурым взглядом окинул плотную спину шурина. Внезапно его рот тронула чуть заметная улыбка.

– Потому что я выше тебя ростом, – нарочито серьезным тоном произнес он, продолжая хмуриться.

Айен недоуменно уставился на Джейми. Но нерешительность его длилась не более секунды. Он расправил плечи, и вскинул подбородок.

³ Красномундирниками, а также раками (букв. омарами) шотландцы называли английских солдат за их красные одежды.

– А я старше тебя, – парировал он, тоже хмурясь.

– А я сильнее.

– Нет, я.

– Неправда, я.

Сквозь напускную серьезность в их голосах угадывалась шутка. Они насккивали друг на друга, как когда-то в детстве. В голосе Джейми звучал тот же вызов, что и много лет назад. Он расстегнул рукав рубашки и стал его закатывать.

– Докажи! – крикнул он, одним движением руки смахнув фигуры с шахматного столика.

Джейми сел и поставил локоть на стол, демонстрируя готовность к предстоящей борьбе. Его голубые глаза в упор смотрели в карие глаза Айена, горевшие тем же неукротимым азартом.

Айену потребовалась одна секунда, чтобы оценить ситуацию, и он согласно кивнул. Пригладил упавшую на лоб прядь волос, расстегнул манжету и стал так же медленно закатывать рукав, не сводя глаз с Джейми.

Со своего места мне было хорошо видно лицо Айена, слегка порозовевшее от солнца, его решительно вскинутый острый подбородок. Лица Джейми я не видела, но, судя по осанке, он был настроен не менее решительно.

Теперь Айен и Джейми, сидя друг против друга, искали подходящую точку опоры для локтя и проверяли надежность столешницы.

В соответствии с правилами Джейми растопырил пальцы. Айен сделал то же самое, и их ладони прижались друг к другу. Пальцы рук сомкнулись и скользнули вправо, сцепившись в замок.

– Готов? – спросил Джейми.

– Готов. – Голос Айена был спокойным, но глаза под густыми бровями горели.

Мышцы противников напряглись, напружинились, они заерзали на стульях, пытаясь сохранить баланс.

Дженни встретила со мной глазами и отвернулась. Она ожидала от Джейми чего угодно, но только не этого.

Внимание обоих мужчин было сфокусировано на сцепленных ладонях, все окружающее перестало для них существовать. Лица их сделались пунцовыми от напряжения, волосы на висках взмокли. Вдруг я заметила, что Джейми ослабил хватку, заметив, как Айен еще крепче стиснул зубы. Айен недоуменно взглянул на Джейми, их глаза встретились, и они дружно прыснули со смеха.

В следующую минуту сцепленные руки упали на стол.

– В общем, ничья, – сказал Джейми, отбрасывая назад волосы, мокрые от пота, и добродушно кивнул Айену. – Значит, так, дружище, если я не имею права приказывать тебе, то я могу попросить. Ты пойдешь со мной?

Айен отер рукой мокрую шею, обвел взглядом комнату и остановил глаза на Дженни. Ее лицо было бледнее обычного, на шее пульсировала голубая жилка. Айен внимательно смотрел на жену, одновременно опуская рукав своей рубашки. Я заметила, как густой румянец начинает заливать ее лицо и шею.

Айен в раздумье потер подбородок, повернулся к Джейми и покачал головой.

– Нет, старик, – мягко сказал он. – Здесь я тебе нужнее, и я остаюсь.

Его глаза задержались на Дженни с маленькой Кэтрин, прильнувшей к ее плечу, и на маленькой Мэгги, вцепившейся в юбку матери крохотными ручонками.

– Я останусь здесь, – повторил он, – защищать твою слабую сторону.

– Джейми?

– Да?

Он ответил сразу, и я знала, что он не спит, хотя и лежит неподвижно, словно каменное изваяние. Комната была залита лунным светом, и, поднявшись на локте, я могла разглядеть его лицо. Взгляд был устремлен вверх, как будто сквозь тяжелые балки потолка он мог видеть небо, усыпанное звездами.

– Ты ведь не оставишь меня здесь одну, правда?

До сегодняшней сцены с Айеном я не осмеливалась спрашивать Джейми об этом. Коль скоро было решено, что Айен остается, Джейми уединился с ним, чтобы сообща решить, кому из мужского населения отправляться под знамена принца, а кто останется, чтобы обеспечить нормальное функционирование поместья Лаллиброх.

Я знала, что решать эти вопросы в сложившейся ситуации было непросто, несмотря на то что Джейми с видимым спокойствием обсуждал с шурином, сможет ли тот отпустить кузнецца Росса, и в конце концов решили, что сможет, при условии, что до выступления в поход будут починены все лемехи у плугов. Когда дошла очередь до Джозефа Кирби Фрэзера, было решено, что он должен остаться, поскольку является единственной опорой не только собственной семьи, но и для семьи своей овдовевшей сестры. Брендан был старшим из мальчиков в обеих семьях и в свои девять лет едва ли сможет заменить своего отца Джозефа, если тот не вернется.

К решению подобных вопросов следовало подходить с особой деликатностью. Сколько мужчин необходимо взять с собой, чтобы оказать влияние на исход борьбы? Дженни была права: у Джейми не было иного пути, кроме как помочь Карлу Стюарту добиться победы. А значит, ему предстоит собрать как можно больше мужчин и оружия.

Но с другой стороны, была я и мои пугающие знания об исходе битвы – и в то же время недостаток этих знаний. Мы сумели помешать Карлу собрать деньги для восстания, но тем не менее безрассудный и бездарный красавчик Чарли решился заявить свое право на трон. Он уже высадился в Гленфиннане и объединил под своими знаменами тамошние кланы. Из очередного письма Джареда мы узнали, что Карл пересек Ла-Манш с двумя небольшими фрегатами, предоставленными в его распоряжение неким Энтони Уолшем, бывшим работником, и отнюдь не бескорыстно. Видимо, авантюра Карла показалась ему менее рискованной, чем торговля рабами, где он может выиграть, а может и проиграть. Один фрегат был захвачен англичанами, другой с Карлом на борту благополучно добрался до острова Эрискей.

Карла сопровождали семеро приверженцев, включая владельца небольшого банка по имени Ангус Макдональд. Не в состоянии оплатить всю экспедицию, он предоставил необходимую сумму для покупки небольшого количества палашей, которые и составляли все вооружение Карла. Джаред делал вид, что восхищается Карлом, в действительности же приходил в ужас от безрассудства его затеи, но, будучи настоящим якобитом, старался скрыть недобрые предчувствия.

И тем не менее Карлу сопутствовал успех. Из слухов и сплетен мы узнали, что он причалил к острову Эрискей и с несколькими большими бочками бренди отправился в Гленфиннан ждать, откликнутся ли кланы на призыв встать под его знамена. И после нескольких томительных часов ожидания он увидел спускающийся по крутым зеленым холмам отряд из трехсот человек клана Камерон, но их вел не вождь – он находился в отъезде, – а его сестра, Дженни Камерон.

Камероны были первыми, но вслед за ними прибыли и другие кланы, перечисленные в соглашении о сотрудничестве. Если, несмотря на все усилия, Карлу суждена неудача, надо как можно больше людей оставить в поместье и спасти Лаллиброх от катастрофы.

Айен по крайней мере уцелеет, и Джейми сможет не беспокоиться о доме.

Дома остается Айен. Уже одно это придавало ему уверенности и поддерживало бодрость духа. А как же другие шестьдесят семейств, живущих в Лаллиброхе? Решать, кто пойдет воевать, а кто останется, было равносильно тому, чтобы выбрать, кому жить, а кому умирать. Мне

приходилось видеть командиров, которых война вынуждала делать подобный выбор, и я знала, чего это им стоило.

Джейми вынужден был выбирать – у него не было иного выхода, – но в своем решении он придерживался двух принципов: в его войске не будет ни одной женщины и юношей младше восемнадцати лет. Айен был удивлен таким решением. Матерям с маленькими детьми естественно оставаться дома во время войны, однако для большинства шотландских женщин было так же естественным сопровождать мужей, отправляющихся на войну, – готовить им еду, заботиться о них и делить с ними все тяготы армейской жизни. И юноши, которые в четырнадцать лет считают себя мужчинами, будут смертельно оскорблены таким решением. Но Джейми отдавал свои приказания тоном, не терпящим возражений, и Айен после минутной заминки согласно кивнул и подписал приказ. Я не хотела в присутствии Айена и Дженни спрашивать мужа, распространяется ли его приказ и на меня тоже, потому что, хочет он того или нет, я все равно отправлюсь с ним, чего бы это мне ни стоило.

– Оставить тебя? – спросил он, и я увидела, что он широко улыбается. – Думаешь, мне это удастся?

– Нет, – ответила я, с облегчением вздохнув и прижавшись к нему. – Не удастся. Но может быть, ты втайне помышляешь об этом?

Он засмеялся и крепче прижал меня к себе.

– О да, конечно помышляю. Но в то же время я прекрасно сознаю, что для этого мне пришлось бы приковать тебя цепями к лестнице. Иначе тебя не удержишь. Таким образом, мне поневоле придется взять тебя с собой. К тому же ты еще и прекрасный лекарь. И я не хочу лишать своих людей твоей помощи, а она им наверняка понадобится.

Он дружески потрепал меня по плечу и добавил:

– Я хотел бы оставить тебя здесь, в безопасности, но не могу. Поэтому ты поедешь со мной, ты и Фергюс.

– Фергюс? – удивилась я. – Но ты ведь решил не брать с собой юношей младше восемнадцати лет.

Он снова глубоко вздохнул, а я приложила руку к его груди, слушая, как гулко, толчками бьется сердце.

– Да, но Фергюс – это совсем другое. Другие парни... я не хочу брать их потому, что они принадлежат этой земле, здесь их дом, и, если все провалится, они помогут своим семьям спастись от голода, будут работать на полях и ухаживать за скотом. Им придется до времени стать взрослыми, но это полбеды. Что касается Фергюса, то это не его дом, и ему без меня здесь нет места.

– Его место рядом с тобой, – мягко, с пониманием сказала я. – Как и мое.

Он долго молчал, затем нежно привлек меня к себе.

– Да, ты права, – спокойно сказал он. – А сейчас спи, *mo duinne*. Уже поздно.

* * *

Тревожные завывания ветра заставили меня проснуться третий раз за эту ночь. У маленькой Кэтрин резались зубки, и ее плач разносился по всему дому. Из спальни Дженни, расположенной внизу, до моего слуха долетало сонное бормотание Айена и голос Дженни, успокаивающей ребенка.

Потом я услышала осторожные шаги в коридоре и поняла, что это Джейми, которому, по-видимому, так и не удалось уснуть в эту ночь, шлепает босиком по коридору.

– Дженни? – Он говорил тихо, стараясь никого не беспокоить, но его голос гулко раздавался в сонной тишине дома. – Я слышу, что малышка плачет. Видно, она не может уснуть, как и я. Если она сухая и сыта, то мы могли бы составить друг другу компанию, а ты ступай поспи.

Дженни сдержала зевоту, и в ее голосе я почувствовала улыбку.

– Джейми, дорогой, ты как материнское благословение. Да, она наелась до отвала, и я только что передела ее. Бери ее, и сколько угодно наслаждайтесь обществом друг друга.

Дверь закрылась, и я снова услышала тяжелые осторожные шаги, ведущие в нашу комнату, и тихий голос Джейми, нежно разговаривающего с Кэтрин.

Я глубже зарылась в пуховые перины и снова задремала, вполуха слушая ее всхлипы, перемежающиеся громким плачем, и нежный голос Джейми, что-то нашептывающий ей. Его голос, преломлявшийся в моем сонном сознании, напоминал мне жужжание пчел в улье.

– Почему плачет маленькая Китти? Кто ее обижает?

Звук шагов Джейми то удалялся, то приближался. Меня снова стало клонить в сон, но я старалась не спать, так как хотела послушать, что еще станет говорить Джейми ребенку. Может быть, когда-нибудь он будет вот так же держать своего собственного ребенка – маленькая круглая головка покоится на его огромной ладони, крепкое тельце прижато к его плечу. И он будет баюкать свою собственную дочь, среди ночи нашептывая ей нежные, ласковые слова.

Постоянная боль в моем сердце растворилась в глубокой нежности. Ведь я забеременела однажды, значит, смогу сделать это снова. Вера вселила в меня надежду, а в Джейми – мужество. Я обхватила груди руками, ощутив их упругость, и окончательно уверовала в то, что настанет день и я прижму к сердцу своего ребенка. Я уснула, а отголоски нежного воркования Джейми еще долго звучали у меня в ушах.

Не знаю, сколько времени я спала, но когда проснулась и открыла глаза, то увидела, что вся комната залита лунным светом. Все предметы, находящиеся в комнате, были отчетливо видны, но выглядели странно, словно были совершенно плоскими, двухмерными и не отбрасывали тени.

Ребенок не плакал, но из холла по-прежнему доносился голос Джейми, все еще продолжавшего говорить, но значительно тише, вернее, совсем тихо. И совсем другим тоном. Это уже была не та монотонная, маловразумительная песенка, которой обычно баюкают младенцев, а выразительная, эмоциональная речь, в которой человек изливает душу.

Заинтригованная, я вскочила с кровати и подошла к двери. Я увидела их в конце холла. Джейми в одной рубашке сидел на полу, опираясь спиной о подоконник и уперев ступни в пол. А на коленях у него, словно на стуле, сидела маленькая Кэтрин и без устали колотила Джейми в живот своими маленькими ножками.

Личико Кэтрин было безмятежным и светлым подобно лику луны, но бездонные темные глаза жадно внимали его словам. Он водил пальцем по округлой линии ее щечек, снова и снова шепча слова душевраздирающей нежности.

Он говорил по-гэльски и так тихо, что я все равно ничего не поняла бы, если бы даже знала язык. Но голос его был осипшим, а лунный свет, лившийся из окна за его спиной, позволил мне разглядеть слезы у него на лице.

Это был тот самый случай, когда не требуется постороннее вмешательство. Поэтому я поспешила в постель, все еще хранившую мое тепло, запечатлев в памяти образ полунагого лэрда Лаллиброха, сидящего на полу и при свете луны изливающего душу перед младенцем, олицетворяющим будущее его клана.

* * *

Проснувшись на следующее утро, я ощутила рядом с собой какой-то незнакомый запах и неудобство оттого, что кто-то больно тянет меня за волосы. Я открыла глаза и обнаружила рядом с собой Кэтрин. Ее розовые губки сладко причмокивали у самого моего носа, а пухлые пальчики вцепились в волосы. Я попыталась осторожно высвободить локоны, но малышка все равно почувствовала, перевернулась на живот и, свернувшись калачиком, снова уснула.

Джейми лежал по другую сторону от ребенка, уткнувшись лицом в подушку. Он открыл один глаз, синий, словно утреннее небо.

– Доброе утро, англичаночка, – тихо, чтобы не разбудить девочку, сказал он. И улыбнулся. – Вы, спящие вот так вдвоем, смотрите очень мило.

Я пригладила рукой растрепанные волосы и невольно рассмеялась, глядя на попку Китти, смешно торчавшую кверху.

– Казалось бы, так спать неудобно, а ей, видимо, нравится. Посмотри, как сладко она сопит. Когда ты пришел с ней сюда? Я не слышала, как ты лег в постель.

Он зевнул и взъерошил волосы. Вид у него был счастливый, хотя под глазами залегли темные круги.

– Не знаю, сколько было времени, но еще до того, как зашла луна. Мне не хотелось будить Дженни, вот я и принес малышку к нам и положил посередине. Она даже не проснулась.

Кэтрин заворочалась, упираясь пяточками в матрас. Судя по всему, приближалось время ее утреннего кормления. Мое предположение подтвердилось в следующий же момент, когда, еще не открыв глаз, она подняла головку и исторгла громкий здоровый вопль. Я быстро подскочила к ней и взяла на руки.

– Сейчас, сейчас, – бормотала я, нежно похлопывая ее по спинке.

Свесила ноги на пол, потом обернулась и погладила Джейми по голове.

– Я отнесу ее к Дженни. А ты поспи. Еще рано, – сказала я.

– Я и сам могу это сделать, англичаночка, – ответил он, очнувшись, и тут же согласился: – Ну ладно. Тогда увидимся за завтраком.

Он перевернулся на спину, принял свою любимую позу, сложив руки на груди, и глубоко задышал еще до того, как мы с Кэтрин дошли до двери.

Малышка отчаянно крутилась в поисках соска и громко вопила, не находя его. Навстречу мне спешила Дженни, заслышавшая крик своей дочурки, запахивая на ходу зеленый халат.

Я протянула ей малышку, которая гневно размахивала своими крошечными кулачками.

– Тише, моя крошка, успокойся, – твердила Дженни.

Она взяла у меня из рук малышку и, поведя бровью, пригласила последовать за ней в комнату, что я и сделала.

Я присела на край кровати, а Дженни – на стул возле очага и вынула из лифа грудь. Маленький ротик тут же впился в сосок, и мы облегченно вздохнули от внезапно воцарившейся тишины.

– Наконец-то, – вздохнула Дженни, расслабившись, как только Кэтрин начала сосать. – Успокойся, мой маленький поросенок.

Дженни улыбнулась, взглянув на меня своими лучистыми, как у брата, глазами.

– Спасибо, что взяли к себе малышку на ночь. Я спала как убитая.

Я пожала плечами, с умилением наблюдая за матерью и ребенком, расслабившимися от удовольствия. Головка девочки точно повторяла форму высокой, округлой груди Дженни, малышка энергично причмокивала, укладываясь поудобнее на коленях матери.

– Это была идея Джейми, не моя. Кажется, дядя и племянница неплохо провели время вместе.

Перед моим мысленным взором снова возник Джейми, серьезным, приглушенным тоном что-то рассказывающий малышке, и слезы, текущие у него по лицу.

Дженни кивнула, внимательно глядя на меня:

– Мне кажется, они благотворно подействовали друг на друга. Джейми плохо спал эти дни.

– Да. Он много размышлял.

– Конечно, – сказала Дженни, бросив взгляд на кровать.

Айен встал на рассвете и ушел приглядеть за скотом. Нужно было решить, какие лошади останутся, а какие заберет Джейми, заново подковать их, починить сбрую.

– Знаешь, с детьми можно говорить обо всем на свете, – вдруг сказала Дженни, прервав ход моих мыслей. – Вполне серьезно. Ты можешь рассказать им все, даже то, что взрослому человеку может показаться глупостью.

– Значит, ты слышала, о чем он говорил сегодня ночью? – спросила я.

Она кивнула, не отрывая взгляда от розовой мордашки Кэтрин, самозабвенно сосавшей грудь, смежив от удовольствия густые черные ресницы.

– Да, но ты не переживай, – добавила Дженни, ласково улыбаясь мне. – Это совсем не значит, что он не может обо всем говорить с тобой. Может. И он это знает. Но говорить с ребенком – совсем другое дело. Ребенок – это маленький человек. Ты понимаешь, что рядом с ним ты можешь не беспокоиться о том, что он о тебе подумает или что при этом почувствует. Ты можешь излить перед ним душу, не заботясь о выборе слов и ничего не скрывая. И это принесет успокоение.

Она говорила уверенно, как о чем-то само собой разумеющемся. Я поинтересовалась, часто ли она сама разговаривает с детьми таким образом. Уголок большого рта, так похожего на рот ее брата, чуть приподнялся.

– Это все равно что разговаривать с еще не родившимся ребенком, – тихо добавила Дженни. – Ты это познаешь в свое время.

Я положила руки, одна на другую, на живот, вспоминая:

– Мне это знакомо.

Легким движением большого пальца она высвободила сосок из ротика малышки.

– Я много думала над тем, почему женщины часто выглядят печальными после рождения ребенка, – задумчиво, словно размышляя вслух, произнесла Дженни. – Ты думаешь о нем, разговариваешь с ним, ощущаешь его у себя под сердцем. А когда он появляется на свет, это совсем другое дело. Ты любишь его, конечно. Видишь, как он растет... И все-таки ты постоянно вспоминаешь о ребенке, которого ты носила в себе и которого там уже нет. И даже когда ты держишь в руках новорожденного, он все равно не может тебе заменить того, что был у тебя под сердцем.

Она наклонилась и нежно поцеловала темноволосую головку дочери.

– Да, – сказала я, – до этого... все проблематично. Это может быть сын, а может быть дочь. Обычный ребенок или красавец. А когда он появляется на свет, все иллюзии, связанные с ним, исчезают. Он есть, и другого не дано.

Дженни тихонечко покачивала дитя, и через некоторое время крошечные ручки, крепко вцепившиеся в ворот зеленого халата, постепенно разжались – девочка уснула.

– И если ты думала, что у тебя будет сын, а рождается дочь, то тебе начинает казаться, что сын, которого ты носила под сердцем, умер, – продолжала спокойно размышлять Дженни. – А прекрасный мальчик, прильнувший к твоей груди, словно бы убил маленькую девочку, которую ты ждала. И ты начинаешь плакать, сама не сознавая о чем, пока не поймешь, что ты держишь в руках того самого ребенка, которого вынашивала. И другого быть не могло и не может. И ты начинаешь испытывать не боль, а только радость. При этом ты все равно можешь заплакать, но это будут радостные слезы, слезы счастья.

– А мужчины... – начала было я, думая о Джейми, изливавшем душу ничего не понимающему ребенку.

– Мужчины тоже. Когда они впервые берут своего ребенка на руки, они тоже думают о том, что на его месте мог бы быть другой, противоположного пола, но изменить уже ничего нельзя. Но мужчины не плачут об этом. Нельзя плакать о том, чего не изведal. Мужчины не носят дитя под сердцем.

Часть шестая Пламя борьбы

Глава 36 Престонпанская битва

Шотландия, сентябрь 1745 года

После четырехдневного марша мы достигли вершины холма возле Колдера.

У подножия простиралась болотистая равнина, поросшая вереском, но мы разбили лагерь повыше, под кронами деревьев. Два небольших ручья проложили свои русла по скалистому склону холма. Близость воды и бодрящий воздух ранней осени создавали атмосферу скорее пикника, нежели военного похода.

Но было семнадцатое сентября, и если мои отрывочные сведения о якобитских восстаниях верны, то война начнется через несколько дней.

– Повтори, англичаночка, – в сотый раз просил меня Джейми, пока мы пробирались по извилистым горным тропам и грязным дорогам.

Я ехала верхом на Донасе, а Джейми шел рядом, но тут я спешила и пошла рядом с ним, чтобы нам было удобнее беседовать. И хотя у нас с Донасом установилось полное взаимопонимание, это была лошадь, требовавшая постоянного внимания. Особенно ему нравилось сбрасывать зазевавшегося седока, ступив под низко расположенные ветки деревьев.

– Я уже говорила тебе, и не раз, что мне известно только это, – сказала я. – В учебниках по истории якобитским восстаниям отведено не много места, да и я тогда не особенно этим интересовалась. Я знаю только одно: что битва состоялась... то есть что она произойдет близ города Престон, а поэтому она называется Престонпанской битвой, а шотландцы называли ее... то есть называют... битвой при Гладсмуире, потому что, согласно предсказанию, вернувшийся король должен был одержать победу под Гладсмуиром. Бог его знает, где находится этот самый Гладсмуир и существует ли он вообще.

– Ясно. А что дальше?

Наморщив лоб, я старалась припомнить все читанное когда-то до последнего слова. Я восстанавливала в памяти сведения, почерпнутые из пожелтевшей от времени книжицы «История Англии для детей», которую читала при тусклом свете керосиновой лампы в глинобитной хижине где-то в Персии. Мысленно листая эти полузабытые страницы, я дошла до того места, где речь шла о втором якобитском восстании, оставшемся в истории под лаконичным названием – «1745 год». Все сведения о якобитах умещались на двух страницах, а битве, в которой мы готовились принять участие, был посвящен всего один небольшой абзац.

– Шотландцы победят, – уверенным тоном добавила я.

– Весьма существенная деталь, – с некоторой иронией заметил он, – но хотелось бы знать чуточку подробнее.

– Если ты хочешь знать подробности, обратись к предсказателю, – отрезала я, но тут же смягчилась: – Извини меня. Дело в том, что я больше ничего не знаю.

– Понятно. – Он взял меня за руку и, нежно стиснув ее, улыбнулся. – Не мучайся, англичаночка. Ты не можешь сообщить мне больше, чем знаешь, но Расскажи мне все еще раз...

– Хорошо.

Я ответила таким же нежным жестом, и мы пошли дальше рука в руке.

– Это была замечательная победа, – снова начала я, читая страницы по памяти, – потому что якобиты значительно превосходили своих врагов по численности. Они застали врасплох

армию генерала Коупа – одновременно с восходом солнца, я это прекрасно помнила, – и началось беспорядочное бегство. Англичане понесли серьезные потери, исчисляемые сотнями погибших, а у якобитов убитых было совсем немного – тридцать человек. Только тридцать человек.

Джейми обернулся и посмотрел назад на растянувшуюся вереницу своих соплеменников из Лаллиброха. Они шли небольшими группами, болтая и распевая песни. Их было тридцать. И, глядя на них, нельзя было сказать, что их было «всего лишь» тридцать. Но я видела поля сражений Эльзаса и Лотарингии и акры лугов, превратившихся в свалку из тысяч мертвых тел.

– Если рассматривать события в историческом контексте, – продолжала я извиняющимся голосом, – количество убитых среди них было довольно... незначительным.

Джейми резко выдохнул, едва разжав стиснутые зубы, и мрачно посмотрел на меня.

– Незначительным. В самом деле незначительным...

– Прости меня.

– Ты тут ни при чем, англичаночка.

Но я почему-то не могла отделаться от чувства вины.

* * *

После ужина мужчины сидели вокруг костра, наслаждаясь ощущением сытости, переговариваясь между собой и почесываясь. Почесывание было местным бедствием. Тесные жилища, несоблюдение правил гигиены способствовали повальному заражению вшами. Ни у кого не вызывало удивления, когда тот или иной воин извлекал такой образчик откуда-нибудь из складок своего пледа и бросал в огонь. Вошь вспыхивала искрой и исчезала.

Молодой парень по имени Кинкейд – впрочем, настоящее его имя Александр, но среди воинов было так много Александров, что было решено присвоить им псевдонимы, – казалось, особенно тяжело страдал от этой напасти. Он яростно чесал то темную кудрявую голову, то под мышками, то, бросив на меня быстрый взгляд и убедившись, что я не смотрю в его сторону, промежность.

– Ну и достается тебе, парень! – сочувственно произнес кузнец Росс.

– Да, – ответил тот. – Эти мелкие твари съедают меня живьем.

– Придется тебе избавляться от всех волос, – заметил Уоллес Фрэзер, сам почесываясь, – на тебя больно смотреть, парень.

– Разве тебе не известен лучший способ избавления от этой мерзости? – произнес Сорли Макклур и, так как Кинкейд отрицательно покачал головой, наклонился и осторожно вытащил горящую головню из костра. – Подними-ка свой килт на минуту, парень, и я выкурю их оттуда, – предложил он под смех и улюлюканье окружающих.

– Проклятый фермер, – пробормотал Мурта. – Смотри до чего додумался!

– А ты знаешь лучший способ? – Уоллес скептически поднял широкие брови, наморщив при этом загорелый лоб.

– Конечно. – Мурта торжественно извлек из ножен кинжал. – Парень – сейчас солдат. И должен действовать посолдатски.

Открытое, доверчивое лицо Кинкейда выражало нетерпеливое ожидание.

– Как это?

– Очень просто. Берешь кинжал, поднимаешь килт и сбрываешь половину волос в промежности. – Он осторожно поднял свой кинжал. – Но помни: только половину.

– Половину? Понятно...

Кинкейд был само внимание, однако на лице его отразилось сомнение. Я заметила, что лица людей, сидевших вокруг костра, осветились улыбками, но никто пока не смеялся.

– И только потом, – Мурта жестом указал на Макклюра, – ты поджигаешь вторую половину, и когда эти твари начнут выпрыгивать, рази их кинжалом.

Кинкейд так покраснел, что это было заметно даже при свете костра, а сидевшие вокруг мужчины разом взревели и заулюлюкали. Началась грубая потасовка, стали размахивать горящими поленьями, выхваченными из костра. Именно в этот момент, когда грубое развлечение казалось вот-вот перейдет в серьезную драку, появился Джейми, отлучавшийся проверить лошадей. Шагнув в круг, он достал из-под мышки две глиняные бутылки и бросил одну Кинкейду, другую Мурте. И тут же все затихли.

– Все вы глупцы, – объявил он. – Второй лучший способ избавиться от вшей – это вылить на них виски, чтобы напоить допьяна. Когда они уснут и захрапят, просто встань – и они посыпятся с тебя.

– Второй лучший способ, говоришь? – спросил Росс. – А могу я спросить, какой из них самый лучший?

Джейми снисходительно улыбнулся всем, сидящим вокруг костра, словно отец, посмеивающийся над неразумными детьми.

– Пусть твоя жена выберет их, одну за другой. – Он изобразил поклон, повернувшись ко мне, и, приподняв бровь, произнес: – Не доставите ли вы мне такое удовольствие, леди?

* * *

Шутки шутками, но это был единственный реальный способ избавиться от вшей. Я тщательно расчесывала свои волосы утром и вечером, мыла их тысячелистником каждый раз, когда мы останавливались возле водоема, достаточно глубокого, чтобы можно было искупаться в нем, и только таким способом спасалась от этой напасти. Сознывая, что я смогу избежать вшей только до тех пор, пока их не подхватит Джейми, я предпринимала то же самое и по отношению к нему. Каждый раз, когда я могла заставить его посидеть спокойно, я искала у него в голове насекомых, перебирая прядь за прядью.

– Обезьяны-бабуины занимаются этим все время, – заметила я, осторожно вытаскивая лисохвост из его густой рыжей гривы. – Но мне кажется, они съедают продукты своего труда.

– Пожалуйста, не продолжай, англичаночка, – взмолился Джейми.

Он ежилась от удовольствия, когда расческа мягко скользила по его волосам.

Огонь костра тысячами сверкающих бликов отсвечивал на моих руках.

– Мм... Ты не представляешь, как это приятно, когда кто-то расчесывает тебе волосы.

– Подожди, пока я вытащу последнюю, – сказала я, ущипнув его и заставив засмеяться. – Терпи, иначе я прибегну к методу Мурты.

– Коснись волос в моем паху факелом и получишь то же лечение, – предложил он. – А как Луиза де ла Тур называла девушек, которые бреют разные места?

– Эротичными.

Я наклонилась и слегка прикусила зубами мочку его уха.

– Ммфм.

– О вкусах не спорят, – сказала я. – Кому что нравится.

– Одно из мерзких, типично французских извращений, – ответил он.

– А разве это не так?

Громкое раскатистое рычание прервало мое занятие; я положила гребень и тревожно взглянула в сторону леса у нас за спиной.

– Там либо медведь, либо... Почему ты не стал есть, Джейми?

– Я был занят лошадьми. У одной из них треснуло копыто, и мне пришлось делать ей припарки. И сейчас, когда у меня разыгрался аппетит, ты говоришь о том, что кто-то ест вшей.

– Какие припарки?

– Разные. В таких случаях хорошо помогает свежий навоз. Но сегодня я использовал жеванные листья вики, смешанные с медом.

Седельные выюки мы свалили прямо у костра, разоженного на небольшой просеке, где мужчины поставили для меня палатку. Вначале я намеревалась спать, как все, под открытым небом, но исполнилась чувством глубокой благодарности к ним за эту маленькую привилегию. А когда я стала благодарить Мурту, он, со свойственной ему прямолинейностью, дал мне понять, что это было сделано вовсе не ради меня.

– Если он расслабится, оставшись наедине с тобой, никто не будет ему завидовать, – сказал маленький клансмен, кивнув в сторону Джейми, советовавшегося о чем-то с несколькими мужчинами. – И в то же время нет необходимости наводить ребят на мысль о том, чего они лишены в настоящее время, понятно?

– Вполне. Вы очень предусмотрительны, – произнесла я сдержанным тоном.

По тонким губам Мурты скользнула хитрая улыбка.

– О, разумеется, – сказал он.

Порывшись в сумках, я отыскала головку сыра и несколько яблок, предназначенных для Джейми. Он подозрительно покосился на них, спросив:

– А хлеба нет?

– Есть, но в другой сумке. Сначала съешь яблоки. Это будет тебе очень полезно.

Джейми разделял свойственное многим шотландцам неприязненное отношение к сырым фруктам и овощам, хотя благодаря отменному аппетиту вынужден был съедать все до крошки.

– Мм... – промычал он, откусывая яблоко. – Согласен, если ты так считаешь, англичаночка.

– Да, я так считаю. Смотри. – Я показала ему свои зубы. – Много ли ты знаешь женщин моего возраста, у которых целы почти все зубы?

Улыбка обнажила его собственные прекрасные зубы.

– Должен признать, что для старой карги ты неплохо выглядишь.

– И это все исключительно благодаря правильному питанию, – продолжала я. – Половина людей твоего сословия страдают слабой формой цинги. И, судя по людям, встречавшимся нам в пути, у других положение еще хуже. Для предупреждения цинги требуется витамин С, а в яблоках его очень много.

Джейми отодвинул яблоко и подозрительно нахмурился:

– Очень много?

– Именно так, – твердо сказала я. – Много его содержится почти во всех фруктах, но больше всего в лимонах и апельсинах. Здесь они, к сожалению, не растут, но их могут заменить лук, капуста и яблоки. Ешь их понемногу каждый день, и сможешь избежать цинги. Даже в простой луговой траве содержится витамин С.

– Мм... Поэтому олени сохраняют зубы до глубокой старости.

– Вот именно.

Джейми повертел яблоко так и эдак, критически осмотрел его, пожал плечами.

Я как раз собиралась пойти принести хлеба, когда слабый треск привлек мое внимание. Боковым зрением я уловила какое-то движение и, повернувшись, увидела, как что-то мелькнуло рядом с головой Джейми. Я с криком бросилась к нему, но он, схватив горящую головню, канул в темноту ночи.

Луна была скрыта облаками, поэтому можно было лишь догадываться о происходящем по тяжелому дыханию и взаимным проклятиям, доносившимся из ближайших лесных зарослей, да еще по шуршанию сухой листвы под ногами.

Вдруг раздался короткий, резкий звук, а следом за ним воцарилась мертвая тишина. Тишина, по-видимому, длилась несколько секунд, но они показались мне вечностью.

Я все еще стояла у костра, не в силах шевельнуться, когда из мрачной тишины леса появился Джейми. Впереди него шагал пленник, одна рука которого была заломлена за спину. Отпустив его руку, Джейми повернул пленника к себе и толкнул изо всех сил; тот врезался в дерево, ударившись с такой силой, что посыпались листья и желуди, медленно опустился на кучу опавших листьев.

Привлеченные необычным шумом, подоспели Мурта, Росс и еще двое мужчин. Подняв человека на ноги, они поволокли его к костру. Мурта схватил его за волосы и дернул, заставив повернуть лицо к свету. Как выяснилось, у пленника был весьма приятный, благородный вид. Тонкие черты лица, большие, опушенные длинными ресницами глаза, изумленно взиравшие на мир.

– Да он всего лишь мальчик, – воскликнула я. – Ему не больше пятнадцати лет!

– Шестнадцать! – уточнил пойманный и тряхнул головой, стараясь прийти в себя. – Хотя это не имеет никакого значения, – высокомерно добавил он на хорошем английском языке.

«Из Гемпшира, – подумала я. – Далековато же он забрался».

– Действительно, не имеет, – мрачно согласился Джейми. – Шестнадцать или шестьдесят, но он пытался перерезать мне горло.

Я заметила, что Джейми прижимает к шее окровавленный платок.

– Я вам ничего не скажу, – заявил юноша.

Большие глаза на его бледном лице были подобны бездонным озерам, а отблески костра золотили светлые волосы. Одну руку он держал прямо перед собой.

«Наверное, она повреждена», – подумала я.

Юноша явно делал над собой усилие, чтобы сохранить гордую осанку в окружении враждебно настроенных людей. Плотнo сжатые губы скрывали чувство страха и боли.

– Кое-что мне и так уже известно, – сказал Джейми, внимательно оглядывая мальчика. – Во-первых, ты англичанин и английские солдаты находятся где-то здесь неподалеку. Во-вторых, ты здесь один.

Юноша казался озадаченным.

– Как вы узнали об этом?

– Полагаю, ты не стал бы нападать на меня, если бы не был уверен, что, кроме леди и меня, здесь никого нет. Если бы с тобой был еще кто-то, тоже считавший, что здесь нас только двое, он обязательно пришел бы тебе на помощь, тем более что у тебя сломана рука, если я не ошибаюсь. Мне кажется, я слышал, как она хрустнула. И потом, если бы с тобой был кто-нибудь еще, он удержал бы тебя от такого глупого поступка.

Несмотря на это заключение, я заметила, что три человека по сигналу Джейми бросились в лес, по-видимому для того, чтобы прочесать окрестности.

Выражение лица юноши резко изменилось, когда он услышал, что его действия расцениваются как неразумные. Джейми промокнул рану и еще раз критически осмотрел платок.

– И если в следующий раз, парень, ты решишь нанести кому-нибудь удар в спину, не выбирай для этого человека, сидящего на куче сухих листьев. Если пожелаешь пустить в ход нож против человека, который сильнее и крупнее тебя, выбери исходную позицию поудачнее. Требуется, как минимум, чтобы этот человек сидел спокойно, в полном неведении о готовящемся нападении.

– Благодарю за ценные советы.

Юноша ехидно улыбнулся. Он прилагал невероятные усилия, пытаясь доказать, что ему все нипочем, хотя его взгляд нервно перескакивал с одного сурового лица на другое. Ни одному из присутствующих шотландцев при свете дня не присудили бы приза за красоту, ночью же лучше было с ними вообще не встречаться.

– Пожалуйста, – вежливо ответил Джейми. – Жаль только, что тебе не удастся воспользоваться ни одним из них в будущем. Но разреши мне все-таки спросить: зачем ты напал на меня?

Привлеченные шумом, соплеменники Джейми поспешили к костру; они выходили из темных зарослей подобно привидениям. Глаза мальчика перебегали с одного лица на другое и наконец остановились на мне. Он помолчал минуту, но все же ответил:

– Я намеревался освободить эту леди.

Среди присутствующих поднялся ропот, но тут же стих, повинувшись решительному жесту Джейми.

– Понятно, – спокойно произнес он. – Ты услышал, как мы разговаривали, и понял, что леди – англичанка, причем знатного происхождения, в то время как я...

– В то время как вы, сэр, наглый преступник, вор и насильник! Ваши фотографии с описанием характерных примет расклеены повсюду в Гемпшире и Суссексе! Я сразу же узнал вас. Вы – бунтовщик и бессовестный сластолюбец! – громко выкрикнул мальчик.

Даже при свете костра стало видно, как побагровело его лицо.

Я прикусила губу и опустила глаза, стараясь не встречаться взглядом с Джейми.

– Ну что ж, понятно, все правильно, – спокойно продолжал Джейми. – Очевидно, теперь ты намерен изложить аргументы, почему мне не следует немедленно убить тебя.

С этими словами он осторожно вытащил кинжал из ножен и слегка взмахнул им. При этом отблеск костра заиграл на его клинке.

Кровь отхлынула от лица молодого человека, и он стал похож на призрак, но в следующую минуту расправил плечи, отодвинув от себя окружавших его с обеих сторон людей, и сказал:

– Я предполагал такой исход. И готов принять смерть.

Джейми задумчиво кивнул, наклонился и положил клинок своего кинжала в огонь. От почерневшего металла пошел дымок, сильно запахло кузницей. Мы все молча любовались игрой пламени, отливающего всеми оттенками синего цвета там, где оно касалось металла. Казалось, что мертвое железо оживает в темно-красном пламени костра.

Обернув руку окровавленным платком, Джейми осторожно вытащил клинок из огня, медленно приблизился к юноше и как бы невзначай коснулся его камзола.

Почувствовался сильный запах паленой ткани, исходивший от носового платка, обернутого вокруг рукояти кинжала, который становился все сильнее по мере того, как раскаленное острие скользило по сукну камзола пленника, оставляя тонкую выжженную полоску, идущую от талии вверх. Я видела струйки пота, стекавшие по шее юноши, когда кинжал достиг лунки под гордо вскинутым подбородком.

– Ну ладно. Боюсь, что пока я не готов убить тебя.

Джейми говорил тихо, и оттого в его голосе особенно остро ощущалась скрытая угроза.

– С кем ты пришел сюда?

Этот резкий вопрос был подобен удару хлыста, от которого невольно сжимается сердце. Кончик кинжала угрожающе приблизился к шее юноши.

– Я... я не скажу вам! – Пленник запылся, крепко стиснув зубы. По его нежной шее пробежала дрожь.

– Где твои товарищи? Сколько их? Куда вы направляетесь?

Вопросы следовали один за другим, лезвие кинжала почти касалось горла юноши. У него глаза вылезли из орбит, словно у обезумевшей лошади, он отчаянно тряс головой. Росс и Кинкейд крепко держали руки юноши, не давая ему двигаться.

Вдруг почерневшее лезвие коснулось кожи англичанина. Раздался пронзительный крик, и я почувствовала запах горелой плоти.

– Джейми! – вскричала я, потрясенная.

Он даже не взглянул в мою сторону. Его глаза были прикованы к пленнику. Росс и Кинкейд больше не держали юношу, и тот рухнул на колени, на грудку сухих листьев, зажав рукой рану.

– Это вас не касается, мадам! – сквозь зубы процедил Джейми.

Наклонившись, он схватил лазутчика за грудки, встряхнул и поставил на ноги. Лезвие кинжала в руке Джейми стало медленно подниматься вверх и наконец замерло на уровне левого глаза. Джейми всем своим видом показывал, что ждет ответа на заданные им вопросы, но юноша лишь решительно качнул головой, говоря что-то глухим голосом, но его не было слышно. Тогда он прочистил горло и вполне внятно произнес:

– Нет. Ничто не заставит меня говорить.

Джейми помедлил немного, продолжая в упор глядеть на пленника, затем отступил назад и медленно произнес:

– Понимаю. Ну а что, если речь пойдет об этой леди?

Вначале я не поняла, кого Джейми имеет в виду, но он вдруг схватил меня за руку и так рванул к себе, что я упала на него. Он заломил мне руку за спину и, обращаясь к англичанину, сказал:

– Ты можешь оставаться безразличным к собственной судьбе, но тебе, по-видимому, дорога честь этой леди, коль скоро ты жертвовал жизнью ради ее спасения.

Повернув к себе, он схватил меня за волосы, откинул голову назад и поцеловал с нарочитой страстью, так что я невольно стала вырываться из его рук.

Тогда он развернул меня так, чтобы я оказалась лицом к пленнику. Юноша во все глаза смотрел на меня, в его расширившихся зрачках отражалось пламя костра.

– Отпусти ее! – хриплым голосом потребовал он. – Что ты собираешься делать с ней?

Руки Джейми потянулись к вороту моего платья, вцепились в него и дернули изо всех сил. Ткань с треском лопнула, обнажив мою грудь. Я непроизвольно ударила Джейми в голень. Юноша рванулся вперед, но был остановлен Россом и Кинкейдом.

– Ну раз уж ты спрашиваешь... – любезным тоном ответил Джейми. – Я собираюсь изнасиловать эту леди у тебя на глазах. Потом отдам ее своим солдатам. Пусть делают с ней все, что хотят. Возможно, и ты пожелаешь воспользоваться случаем, прежде чем я убью тебя. Негоже мужчине умирать девственником, как ты считаешь?

Теперь я боролась всерьез. Мои руки были зажаты железной хваткой, протестующие крики заглушала огромная теплая ладонь Джейми, закрывающая мне рот. Я изо всех сил впилась в нее зубами, ощутив во рту вкус крови. Чуть слышно ахнув, он отдернул руку и тут же заткнул мне рот какой-то тряпкой, поверх которой снова оказалась его ладонь. Я задыхалась с кляпом во рту, а рука Джейми проворно метнулась к моим плечам, сдирая разорванное платье и белье. Он обнажил меня и прижал мои руки к бокам. Я заметила, как Росс взглянул на мое тело и быстро перевел взгляд на пленника. Густая краска залила его щеки. Кинкейд, которому было не более девятнадцати, был потрясен. Он замер на месте с разинутым, словно ловушка для мух, ртом.

– Прекрати! – Голос юноши дрожал, но уже не от страха. – Ты... ты презренный трус! Как смеешь ты, шотландский ублюдок, бесчестить леди!

Он на мгновение умолк, задохнувшись от гнева. Грудь его высоко вздымалась. Потом, видимо, принял решение.

– Хорошо. Я вижу, что достойным путем мне ничего не добиться. Освободи эту леди, и я скажу все, что вас интересует.

Джейми тут же отпустил меня. Росс оставил пленника и поспешил за моим плащом, незаметно соскользнувшим у меня с плеча во время облавы на шпиона и валяющимся где-то поблизости на земле. Джейми выдернул из плаща пояс и связал им мне руки за спиной, затем

взял у Росса плащ, надел его на меня и тщательно застегнул. Отступив на несколько шагов, он насмешливо поклонился мне и вновь обратился к своему пленнику.

– Даю тебе слово, что этой леди не грозят мои притязания, – сказал он тоном, с трудом сдерживающим гнев и неудовольственную страсть.

Но я-то прекрасно понимала, что за напускным гневом он изо всех сил старался спрятать неумное желание рассмеяться. Я готова была убить его в этот момент.

С окаменевшим лицом юноша сухими отрывистыми фразами отвечал на вопросы Джейми.

Его звали Уильям Грей. Он был вторым сыном виконта Мелтона. Он прикомандирован к отряду в двести человек, двигавшемуся в Думбар, на соединение с армией генерала Коупа. Отряд разбил лагерь в трех милях отсюда к западу. Он, Уильям, решил прогуляться по лесу, заметил свет нашего костра и пошел выяснить, кто его разжег. Нет, с ним никого не было. Да, отряд располагает тяжелым вооружением, шестнадцатью оружейными повозками и двумя шестнадцатидюймовыми мортирами. Большая часть солдат вооружена мушкетами. Кроме того, в состав отряда входит кавалерийская рота, насчитывающая тридцать солдат с лошадьми.

Юноша изнемогал от сыпавшихся на него бесконечных вопросов и от боли в сломанной руке, но от предложения присесть отказался. Он лишь слегка прислонился к стволу дерева, чтобы удобнее было поддерживать руку.

Допрос продолжался около часа. Джейми снова и снова задавал одни и те же вопросы, уточняя отдельные детали, добиваясь полной ясности во всем, что его интересовало, и абсолютной правдивости показаний. Наконец, удовлетворенный, он глубоко вздохнул и отвернулся от юноши, который теперь тяжело опустился на землю под развесистым дубом. Не говоря ни слова, Джейми протянул ладонь Мурте, и тот, обычно понимавший Джейми без слов, вложил в нее пистолет.

Повернувшись спиной к пленнику, Джейми занялся проверкой оружия. Свет костра отбрасывал огненные блики на черный металл.

– В голову или сердце? – небрежно спросил Джейми, закончив осмотр пистолета.

– Что? – очнувшись от задумчивости, спросил юноша.

– Я собираюсь застрелить тебя, – терпеливо объяснил Джейми. – Вражеских лазутчиков обычно вешают, но, принимая во внимание твою галантность, я хочу подарить тебе легкую, быструю смерть. Куда ты предпочитаешь получить пулю – в голову или в сердце?

Юноша выпрямился, расправил плечи.

– О да. Да, конечно.

Он облизнул пересохшие губы, проглотил подкативший к горлу комок.

– Я думаю... в сердце. Спасибо, – спохватившись, добавил он, вскинул голову и крепко сжал губы, не утратившие еще детской припухлости.

Джейми кивнул и взвел курок пистолета; этот звук эхом отозвался в тиши под сенью дуба.

– Подождите! – вдруг произнес пленник.

Джейми с любопытством взглянул на него, держа пистолет на уровне груди юноши.

– Чем вы можете гарантировать, что не станете досаждать этой леди после того, как я... умру? – с вызовом спросил юноша, оглядывая собравшихся вокруг воинов.

Его здоровая рука решительно сжалась в кулак, но тем не менее дрожала.

Джейми издал какой-то неясный звук, который искусно сумел превратить в чихание, опустил пистолет и, изобразив на лице железное спокойствие, торжественно произнес с весьма заметным от напряжения шотландским акцентом:

– Малыш, я могу дать тебе слово, но, наверное, ты вряд ли поверишь слову... – губы его невольно скривились, – шотландского ублюдка. Но может, поверишь заверениям самой леди?

Он повел бровью в мою сторону, и Кинкейд тут же бросился неуклюже освобождать меня от кляпа во рту.

– Джейми! – яростно воскликнула я, как только почувствовала, что мой рот наконец-то свободен. – Это бесчестно! Как ты можешь так поступать? Ты... ты...

– Трус, – подсказал он мне. – Или шакал, если тебе это больше нравится. Как ты думаешь, Мурта, – спросил он, повернувшись к своему верному помощнику, – кто я – трус или шакал?

Мурта брезгливо поморщился.

– Я назову тебя сучьим потрохом, если ты немедленно не развяжешь руки женщине!

Джейми с виноватым видом повернулся к пленнику:

– Я должен просить прощения у своей жены за то, что вынудил ее стать соучастницей обмана. Уверяю тебя, она действовала не по своей воле.

Он печально оглядел при свете костра прокушенную руку.

– Ваша жена?

Изумленный взгляд юноши лихорадочно сновал между мною и Джейми.

– Смею тебя заверить, – продолжал Джейми, – что, хотя эта леди и оказала мне честь, разделив со мной ложе, она никогда не делала этого по принуждению. И не будет.

А потом, обращаясь к Кинкейду, коротко добавил:

– Пока не развязывай ее.

– Джеймс Фрэзер, – процедила я сквозь стиснутые зубы, – если ты тронешь этого мальчика хоть пальцем, ты никогда не приблизишься к моему ложу.

Одна бровь Джейми слегка приподнялась, зубы блеснули при свете костра.

– Ну, это уже серьезная угроза для такого беспринципного сластолюбца, как я. Но в такой момент я не должен считаться с моими личными интересами. Война есть война.

И он снова стал целиться.

– Джейми! – закричала я.

Он опустил пистолет и повернулся ко мне с выражением подчеркнутого внимания.

– В чем дело?

Я перевела дыхание, стараясь придать твердость своему голосу. Я могла только догадываться, что он собирается сделать, и считала, что поступаю правильно. Правильно или неправильно, но когда все будет кончено... Я отогнала от себя видение Джейми, который корчится на земле, в то время как я наступаю ногой ему на горло. Мне необходимо было решить, как действовать сейчас, в эту минуту.

– У тебя нет никаких доказательств, что этот юноша – вражеский лазутчик, – сказала я. – Он говорит, что набрел на тебя случайно. Костер в лесу, несомненно, способен привлечь внимание любого человека.

Джейми кивнул в ответ, но тут же возразил:

– А как насчет преднамеренного убийства? Факт остается фактом – он пытался меня убить и сам признался в этом.

Он осторожно потрогал свежую рану у себя на шее.

– Да, он действительно пытался, – горячо продолжала я. – Но он говорит, что узнал в тебе разыскиваемого преступника, за голову которого назначена награда, черт тебя побери!

Джейми задумчиво потер подбородок и повернулся к пленнику.

– Да, это аргумент в вашу пользу, Уильям Грей, – произнес он. – У вас прекрасный адвокат. Не в моих правилах и не в правилах его высочества принца Карла по собственной воле казнить людей, если даже речь идет о врагах.

Он подозвал к себе Кинкейда.

– Кинкейд, возьмите вместе с Россом этого человека и отведите его к тому месту, где, как он утверждает, его отряд остановился на привал. Если то, что он рассказал, правда, привяжите его к дереву в миле от лагеря на пути следования его отряда. Утром товарищи обнаружат его

там. Но если рассказанное им – ложь, – он сделал паузу, окинув пленника холодным взглядом, – перережьте ему горло.

Он взглянул юноше в глаза и очень серьезно, без тени насмешки сказал:

– Я дарю тебе жизнь и надеюсь, что ты разумно распорядишься ею.

Подойдя ко мне, он перерезал пояс, связывающий мне руки.

Я зло глянула на него, а он, указывая на пленника, который вдруг опустился на землю под дубом, сказал:

– Очевидно, ты не откажешь в любезности осмотреть руку мальчика, прежде чем он уйдет?

Выражение нарочитой ярости исчезло с его лица, сменившись полным равнодушием. Он потупился, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Не говоря ни слова, я подошла к юноше и опустилась рядом с ним на колени. Он казался ошеломленным и не противился моему осмотру, хотя мои прикосновения, несомненно, причиняли боль.

Разорванный корсаж моего платья сползал то с одного плеча, то с другого, и я, чертыхаясь сквозь зубы, в сотый раз поправляла его. Предплечье юноши было тонким, как у меня. Я наложила шину на руку и подвязала ее своей косынкой.

– У вас закрытый перелом. – Я старалась говорить как можно более спокойным, бесстрастным тоном. – Подержите ее в таком положении хотя бы в течение двух недель.

Он кивнул, не глядя на меня.

Джейми спокойно сидел на бревне неподалеку, наблюдая за моими действиями. Я подошла к нему и изо всех сил ударила его по щеке, оставив на ней белый след, но он даже не шевельнулся и выражение его лица не изменилось.

Кинкейд поднял англичанина на ноги и потащил к просеке. Перед тем как ступить в чащу деревьев, молодой человек обернулся и, стараясь не смотреть в мою сторону, обратился к Джейми.

– Вы даровали мне жизнь, – сдержанным, официальным тоном проговорил он. – Я предпочел бы этому дару смерть, но коль скоро вы насильно вручили мне его, я отныне ваш должник и почту за честь при случае вернуть свой долг, но потом...

Голос его задрожал от ненависти, и уже вполне обыденно, без всякого официоза, он громко вскричал:

– Я убью вас!

Джейми встал с бревна и выпрямился во весь свой огромный рост. Его лицо оставалось совершенно спокойным. Он мрачно склонил голову перед освобожденным пленником.

– В таком случае, сэр, мне остается только пожелать, чтобы мы никогда больше не встретились.

Юноша расправил плечи и сухо поклонился в ответ.

– Грей не забывает о своих долгах, сэр, – сказал он и растворился в темноте вместе с Кинкейдом.

Наступил момент томительной тишины, когда, собравшись вместе, соплеменники Джейми напряженно вслушивались в удаляющееся шуршание ног по опавшей листве. Затем вдруг раздался чей-то тихий смешок, кто-то хихикнул, кто-то не сдержался и прыснул, и, словно заражаясь друг от друга, смеялись поголовно все. Однако смех был сдвинутым, тихим, громко смеяться никто не смел. Джейми выступил вперед, и смех мгновенно стих. Взглянув на меня, он коротко приказал:

– Иди в палатку.

Догадавшись о моем намерении, он быстро схватил меня за руку.

– Если ты собираешься снова вклеить мне пощечину, то позволь, по крайней мере, повернуться к тебе другой щекой, – сухо произнес он. – Но чтобы избавить тебя от лишних хлопот, я посоветовал бы тебе отправиться в палатку.

Отпустив меня, он приблизился к костру и властным взмахом руки потребовал внимания. Нехотя все тем не менее мгновенно собрались возле него, настороженно поглядывая друг на друга.

Я понимала не все, что он говорил на каком-то странном гэльско-английском языке, но ценой невероятных усилий уловила общий смысл его слов. Тихим, ровным голосом, от которого леденели сердца слушателей, он просил выйти вперед часовых, дежуривших в этот вечер. Стоявшие перед ним его подчиненные поглядывали друг на друга, стараясь поплотнее сомкнуть ряды. Но вскоре два человека выступили вперед. Они взглянули на Джейми и сразу потупились. Лишенные поддержки товарищей, часовые жались друг к другу.

Это были братья Макклор, Джордж и Сорли, почти ровесники, примерно лет тридцати. Они стояли как побитые собаки, натруженные руки шевелились, как бы ища друг друга, в надежде выстоять перед лицом надвигающейся грозы.

Возникла короткая заминка, пока Джейми сурово вглядывался в лица незадачливых стражей. Последовали пять тягостных минут, в течение которых он продолжал говорить все тем же тихим, ровным голосом. Сгрудившиеся возле него соплеменники не проронили ни звука, а братья Макклоры, оба довольно крупные мужчины, сжались под тяжестью вины и, казалось, даже стали меньше ростом. Я вытерла потные ладони о юбку и порадовалась, что понимаю не все, что говорит Джейми. Вскоре я стала жалеть, что не последовала его совету и не ушла в палатку.

Но в полной мере я осознала это, когда Джейми неожиданно повернулся к Мурте, уже стоявшему наготове с кожаным ремнем длиной в два фута, с узлом наверху, чтобы не скользил в руке.

– Разденьтесь и подойдите ко мне, вы, оба, – сказал он.

Братья принялись исполнять приказ, расстегивая рубашки негнуцимыми пальцами, всем своим видом выражая покорность. Казалось, они желали только одного – чтобы поскорее наступил час расплаты.

Я опасалась, что не выдержу этого зрелища, и понимала, что такое наказание в условиях военного времени было довольно легким. На поляне воцарилась мертвая тишина, лишь слышались удары ремня да сдавленные стоны братьев.

Последний удар пришелся по Джейми, подставившему под ремень свой бок. Он взмок от пота, и его рубашка сделалась темной на спине. Кивком он велел братьям одеваться и отер мокрое лицо рукавом. Один из братьев, морщась от боли, наклонился, чтобы поднять брошенные на землю рубашки, другой, дрожа всем телом, пытался удержать его от падения.

Все присутствующие при этом стояли затаив дыхание от страха. Сейчас они зашевелились, словно бы вздохнули наконец с облегчением.

Джейми смотрел на них, слегка покачивая головой. Ночной ветерок усилился, развевая его волосы.

– Мы не можем мириться с беспечностью, друзья мои, – тихо сказал он. – Кого бы то ни было, – добавил он, помолчав, и горько усмехнулся: – Включая меня. Именно разведенный мною костер привлек внимание этого парня.

У него на лице снова выступили капельки пота, он стер их рукой, а ладонь вытер о килт. Затем кивнул Мурте, стоящему в стороне от других, и, протягивая ему кожаный ремень, сказал:

– Не окажете ли вы мне любезность, сэр?

Немного помедлив, Мурта взял ремень. В его маленьких, блестящих черных глазах светилась дружеская симпатия.

– С удовольствием, сэр.

Джейми повернулся спиной к своим соратникам и начал расстегивать рубашку. Наши глаза встретились. Я стояла не в силах пошевелиться. Джейми иронически вздернул бровь, как бы спрашивая: хочешь посмотреть?

Я энергично замотала головой, повернулась и побежала прочь, сожалея, что не последовала его совету сразу.

* * *

Разумеется, в палатку я не вернулась. Мне была невыносима сама мысль о душном замкнутом пространстве. Я задыхалась, мне не хватало воздуха.

Взбежав на невысокий холм за нашей палаткой, я бросилась на землю, обхватив голову обеими руками. Мне не хотелось слышать, что происходит у костра.

Жесткая мокрая трава подо мной была холодной, и я догадалась завернуться в плащ. Укрывшись как в коконе и немного согревшись, я лежала неподвижно, прислушиваясь к стуку сердца, в ожидании, когда оно прекратит свой бешеный бег и успокоится.

Через некоторое время я услышала голоса мужчин, направлявшихся небольшими группами по четыре-пять человек к месту, отведенному для ночлега. С головой закутанная в плащ, я не различала их слов. Прошло еще какое-то время, и я поняла, что Джейми здесь, рядом. Он ничем не обнаруживал своего присутствия, но этого и не требовалось. Когда я вылезла из своего кокона и села, то увидела его сидящим на камне. Голова покоилась на сложенных на коленях руках.

Меня обуревало желание одновременно погладить его по голове и запустить в него камнем, но я не сделала ни того ни другого.

– С тобой все в порядке? – через минуту спросила я как можно более равнодушным тоном.

– А? Будет все в порядке.

Он медленно поднял голову и, глубоко вздохнув, осторожно расправил плечи.

– Прости меня за платье, – в следующую минуту сказал он.

Я поняла, что он увидел мои голые плечи, белеющие в темноте, и поглубже закуталась в плащ.

– За платье? – переспросила я внезапно охрипшим голосом.

Он опять вздохнул.

– И за все остальное тоже.

Помолчал и продолжил:

– Я подумал, что, возможно, ты согласишься пожертвовать своей скромностью, чтобы избавить парня от дальнейших испытаний, но у меня не было времени спросить тебя. Если я был неправ, прошу простить меня, леди.

– Ты хочешь сказать, что намеревался и дальше его пытаться?

Он вышел из себя и не собирался этого скрывать.

– Пытать?.. Я не причинил парню никакого увечья!

Я еще плотнее закуталась в плащ.

– Ты не считаешь увечьем сломанную руку и клеймо, выжженное раскаленной сталью?

– Нет, не считаю. – Он подскочил ко мне, схватил за локоть и с силой повернул к себе. – Послушай, он сам сломал свою дурацкую руку, пытаясь преодолеть непреодолимое препятствие! Он храбр не менее любого из моих соратников, но совершенно беспомощен в рукопашной схватке.

– А раскаленный кинжал? – не унималась я.

Джейми фыркнул.

– Фу! Под ухом у него сейчас небольшой ожог, о котором он забудет завтра после обеда. Я допускаю, что это немного неприятно, но я хотел всего лишь попугать его, а не причинить боль.

Я повернулась и пошла в сторону темного леса в поисках нашей палатки. А вдогонку мне неслись его слова:

– Я мог бы сломать его, англичаночка, хотя, наверное, это было бы неблагородно с моей стороны. И скорее всего, только на время. Я обычно не прибегаю к таким средствам, если в этом нет особой необходимости. Уверяю тебя, англичаночка, – его голос был едва слышен, но в нем прозвучала угроза, – иногда я вынужден так поступать. Мне нужно было узнать, где находятся английские солдаты, их численность, вооружение и все остальное. Мне не удалось запугать его. Поэтому мне оставалось или сломать его, или обмануть.

– Он сказал, что ты не сможешь заставить его говорить!

– Боже мой, англичаночка. – Голос Джейми казался усталым. – Конечно, я смог бы заставить его! Сломать можно любого, причиняя страдания. Я знаю это, как никто другой.

– Да, – спокойно заметила я. – Видимо, знаешь.

Мы снова умолкли. До моего слуха время от времени доносилось сонное бормотание спящих, случайный стук сапога о твердую землю, шуршание сухих листьев, служивших защитой от осенних холодов. Постепенно глаза привыкли к темноте, и я уже отчетливо различала очертания палатки в тридцати футах от нас, под сенью большой лиственницы. А также черную фигуру Джейми на фоне светлеющей ночи.

– Хорошо, – сказала я наконец. – Если исходить из того, что ты мог сделать и что сделал, то... Ну ладно...

– Спасибо.

Я не могу с уверенностью сказать, улыбался он или нет, но мне показалось, что улыбался.

– Ты, черт побери, играл с огнем. Скажи, как бы ты поступил, если бы я не убедила тебя сохранить юноше жизнь?

Джейми нетерпеливо передернул плечами и издал какой-то звук, похожий на сдавленный кашель.

– Не знаю, англичаночка. Я надеялся, что ты что-нибудь придумаешь. В противном случае я, наверное, застрелил бы парня. Он был бы весьма огорчен, если бы я просто взял и отпустил его.

– Ты бессердечный шотландский ублюдок! – холодно сказала я.

Он глубоко и горестно вздохнул:

– Англичаночка, начиная с самого ужина, который мне не дали завершить, меня преследуют напасти: то мне пытаются перерезать горло, то кусают и порют ремнем. И это еще не все. Я не люблю пугать детей и не люблю пороть взрослых, но мне пришлось сделать это. В трех милях отсюда двести английских солдат разбили лагерь, и я не знаю, что с этим делать. Я устал, я голоден и ужасно расстроен. Если в тебе осталось хоть немного женского тепла, не могу ли я рассчитывать на маленькую толику его?

Его голос звучал так жалобно, что я невольно засмеялась, встала и подошла к нему.

– Думаю, на это ты можешь рассчитывать. Подойди сюда, посмотрим, что я смогу для тебя сделать.

Он накинул рубашку на плечи, не потрудившись застегнуть ее. Я просунула руку под рубашку и ощутила его горячую, нежную спину.

– Кожа не повреждена, – сказала я, водя руками снизу вверх.

– Кожанный ремень не сечет кожу, просто стегает.

Я сняла с него рубашку, усадила на камень и смочила спину холодной водой из ручья.

– Полегчало? – спросила я.

– Ммм... – Мускулы его спины расслабились, но он невольно поежился, когда я осторожно дотронулась до раны на шее.

– Ты бы не застрелил его, правда?

– За кого ты меня принимаешь, англичаночка? – со смешком спросил он.

– За шотландского труса или, лучше, за бессовестного разбойника. Как знать, на что способен такой тип? Если к тому же он еще и беспринципный сластолюбец?

Он рассмеялся вместе со мной, и его плечо затряслось под моей рукой.

– Поверни голову. Если тебе нужно женское тепло и сочувствие, сиди спокойно, пока я буду их демонстрировать.

– Ммм... Нет, – произнес он после небольшой паузы. – Я не смог бы убить его. Но после того как я унизил его в твоих глазах, я должен был дать ему шанс вернуть себе чувство собственного достоинства. Он смелый парень. И заслужил право реализовать это качество на практике.

Я покачала головой.

– Никогда не научусь понимать мужчин, – пробормотала я, нанося на ранку мазь из ноготков.

Он взял мои руки и уткнулся в них подбородком.

– А тебе и не нужно понимать меня, англичаночка, – спокойно сказал он. – Пока ты любишь меня. – Он поцеловал мои руки. – И кормишь меня, – добавил он, отпуская их.

– Значит, женское тепло, любовь и еда? – засмеялась я.

В наших сумках я отыскала холодные лепешки, сыр, а также немного бекона. Напряжение и абсурдность последних двух часов, как оказалось, основательно меня изморили, и я с жадностью набросилась на еду.

Голоса окружающих нас людей смолкли, костер погас – казалось, на тысячу миль окрест не было ни одной живой души. Только ветер непрерывно шевелил кроны деревьев, ломая сухие ветви, падавшие на землю.

Джейми сидел прислонившись к дереву, лицо его в сумеречном свете звезд казалось унылым, но все тело излучало озорство.

– Я дал твоему герою слово, что не стану досаждать тебе своими отвратительными притязаниями. Я буду верен данному мной слову до тех пор, пока ты сама не позовешь меня разделить с тобой ложе. А пока я пойду и лягу с Кинкейдом и Муртой. Правда, Мурта храпит.

– И ты тоже, – сообщила я.

Я секунду смотрела на него, затем дернула плечом, отчего мое порванное платье соскользнуло с него.

– Ты уже провел соответствующую подготовку, теперь можешь завершать дело.

Я встряхнула другим плечом, и платье упало.

Его руки, словно горячий шелк, скользнули по моему телу.

– Ну ладно, – пробормотал он мне в волосы, – война есть война.

– Я вечно путаюсь в датах, – сказала я спустя некоторое время, глядя в густо усеянное звездами небо. – Мигель де Сервантес уже родился?

Джейми лежал, вытянувшись во весь рост, на животе рядом со мной, а голова и плечи высовывались из палатки наружу. Он медленно открыл один глаз, устремив его в сторону горизонта. Не обнаружив никаких признаков восхода, он вновь перевел на меня взгляд, в котором сквозило уязвленное самолюбие.

– Ты что, испытываешь острую необходимость немедленно побеседовать об испанской литературе? – слегка охрипшим голосом спросил он.

– Да нет. Мне просто интересно, знаком ли тебе термин «донкихотство»?

Он приподнялся на одном локте, почесал голову обеими руками, чтобы окончательно проснуться, и повернулся ко мне:

– Сервантес родился почти двести лет назад, англичаночка, и благодаря неплохому образованию, которое я получил, я знаком с этим джентльменом. Но может быть, в твоём вопросе кроется что-то сугубо личное?

– У тебя болит спина?

Словно желая проверить, он пошевелил плечами.

– Не очень. Хотя, думаю, синяки имеются.

– Джейми, скажи, ради бога, для чего все это? – не выдержала я.

Он положил подбородок на скрещенные руки и искоса взглянул на меня. От улыбки его глаза еще больше сузились.

– Ну, Мурте это доставило удовольствие. Он ждал этого момента много лет. Помню, в девятилетнем возрасте я положил кусочек медовых сот ему в башмак, когда он снял их, желая дать ногам отдых. Тогда он долго гонялся за мной, но так и не смог поймать, но зато я узнал много любопытных слов, пока он охотился за мной босиком. Он...

Я изо всех сил ударила его кулаком по плечу, остановив тем самым поток красноречия. Джейми удивленно охнул, рука его подвернулась, и он упал на бок, спиной ко мне.

Я встала на колени у него за спиной и обхватила руками за талию. Его широкая, мускулистая спина поблескивала от мази. Я поцеловала его между лопаток, отодвинулась и подула ему на спину, с удовольствием ощущая, как его тело трепещет от прикосновения моих пальцев и крошечные тонкие волосики топорщатся на коже.

– Для чего? – повторила я, приложив щеку к его теплой, влажной спине.

В темноте рубцы на ней были не видны, но я отчетливо ощущала их щекой – тонкие, твердые полосы. Он лежал не двигаясь, ребра под моей рукой вздымались и опускались в такт глубокому, размеренному дыханию.

– Ну ладно, – сказал он и снова замолчал, о чем-то задумавшись. – Я сам точно не знаю, англичаночка. Может быть, я хотел доказать что-то тебе или себе самому.

Я положила свою легкую ладонь на его лопатку, широкую и тонкую, с четко очерченными контурами.

– Только не мне.

– Но разве достойно джентльмена раздевать свою жену на глазах у тридцати мужчин? – В его голосе звучала горечь, и мои руки замерли у него на спине. – Достойно ли благородного человека проявлять жестокость к пленному врагу, почти ребенку? И даже быть готовым на большее?

– А разве было бы лучше, если бы ты пожалел меня или его, а через два дня потерял половину своих людей? Ты должен был помнить об этом. Ты не имел права позволить себе рисковать людьми во имя ложно понятого благородства.

– Да, не имел, – произнес он. – Поэтому сейчас мое место рядом с сыном моего короля. Чувство долга и чести повелевает мне следовать за ним... и в то же время всячески препятствовать осуществлению того, что я поклялся отстаивать. Ради его низменных интересов я предал тех, кого люблю. Я предал само понятие о чести, благородстве.

– Во имя чести погибло немало людей. Но безрассудное благородство – это глупость. Благородная глупость – все равно глупость.

– Да, это так. Ты говорила, что все изменится к лучшему. Но если я буду первым среди тех, кто пожертвует своей честью ради ложно понятого чувства долга, не будет ли мне стыдно потом?

Он взглянул на меня, глаза были полны тревоги.

– Я не поверну вспять, это для меня невозможно, но порой, англичаночка, становится жаль того парня, каким я был.

– Это моя вина, – мягко сказала я и провела пальцами по его лицу, коснувшись густых бровей, широкого рта и отросшей щетины на подбородке. – Моя. Если бы я не явилась... и не сообщила тебе, что произойдет...

Я ощутила внезапную боль и горечь, когда вспомнила, каким наивным, благородным парнем он был. Впрочем... разве у нас был выбор? Я должна была открыть ему то, что знала. А он должен был действовать исходя из этого знания. Я вспомнила одну из строчек Ветхого Завета: «Когда я молчал, обветшали кости мои от вседневного стенания моего». Он словно бы услышал мои мысли и слегка улыбнулся:

– Может быть... Но я не помню, чтобы Адам просил Бога забрать Еву назад.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб, когда я засмеялась, и, укрыв мои голые плечи одеялом, сказал:

– Спи, мое маленькое ребрышко, завтра мне понадобится помощница.

* * *

Меня разбудил лязг металла. Я высунула голову из-под одеяла, прищурившись, пыталась рассмотреть источник странного звука и тут обнаружила, что мой нос практически упирается в колено Джейми, укрытого пледом.

– Проснулась? – услышала я его голос.

Что-то блестящее и звенящее промелькнуло перед глазами, и я ощутила нечто очень тяжелое у себя на шее.

– Боже, что это такое? – воскликнула я, проворно сев в постели и стараясь рассмотреть странный предмет.

Оказалось, что на мне надето ожерелье, состоящее из трехдюймовых металлических элементов в виде стержня с ободком наверху, нанизанных на кожаный шнурок. Некоторые из них были покрыты ржавчиной, другие совершенно новые. По всей длине стержней проходили царапины, как будто их с силой выдирали из какого-то более крупного предмета.

– Военные трофеи, англичаночка, – пояснил Джейми.

Я взглянула на него и громко вскрикнула.

– Ой! – произнес он, проведя рукой по лицу. – Я совершенно забыл. У меня не было времени умыться.

– Ты до смерти меня напугал, – сказала я, прижимая руку к бешено бьющемуся сердцу. – Что это?

– Древесный уголь.

Голос его прозвучал глухо: он уже вытирал лицо какой-то тряпкой. Вскоре он отложил ее и улыбнулся мне. Ему удалось стереть черную пыль с носа, подбородка и лба, и они розовели на фоне сажи, но угольная чернота осталась возле рта и вокруг глаз, обведенных, как у енота.

Рассвет едва забрезжил, и в сумраке его темные от угольной пыли лицо и волосы почти сливались со стенами палатки. От этого возникало впечатление, что я разговариваю с человеком, не имеющим головы.

– Это была твоя идея, – сказал он.

– Моя идея? Ты похож на привидение из спектакля, – ответила я. – Для чего ты разыграл эту комедию?

На черном лице зубы сверкали, словно жемчужины.

– Это была диверсионная вылазка, – с удовлетворением произнес он.

– Диверсионная? Я правильно тебя поняла? О боже, ты побывал в английском лагере? Боже мой! Надеюсь, не один?

– Я не мог лишиться своих людей такого удовольствия, поэтому оставил троих охранять тебя, а с остальными совершил весьма успешную вылазку. – Он с гордостью посмотрел на

мое ожерелье. – Это шплинты от оружейных повозок. Мы не могли похитить пушки и даже бесшумно повредить их, но им не удастся далеко уйти без колес.

Я критически осмотрела свое ожерелье:

– Все это прекрасно, но не смогут ли они сделать новые стержни? Кажется, ты делал нечто подобное из толстой проволоки.

Он кивнул с самодовольным видом.

– Может быть, и смогут. Но на что им стержни, если у них нет колес?

Он приподнял брезент, закрывающий вход в палатку, и указал на подножие холма, где Мурта, черный, как демон, с такими же черными помощниками бросал в костер последние из тридцати двух больших деревянных колес. Снятые с колес железные ободья грудой лежали рядом. Фергюс, Кинкейд и еще несколько молодых ребят затеяли игру, гоняя их при помощи палок. Я засмеялась.

– А ты, оказывается, умный, Джейми.

– Может быть, я и умный, но ты – полуголая, а мы сейчас отправляемся. Нет ли у тебя чего-нибудь, что можно было бы надеть? Мы связали их часовых и оставили в заброшенном загоне для овец, но скоро лагерь проснется, а он недалеко от нас, поэтому нам лучше скрыться.

И словно в подтверждение его слов палатка у меня над головой дрогнула, как будто бы кто-то разрушил ее каркас с одной стороны. Я испуганно вскрикнула и схватила седельные сумки, в то время как Джейми поспешил отдать последние распоряжения, перед тем как тронуться в путь.

* * *

Миновал полдень, когда мы добрались до местечка Транент. В обычно спокойной деревушке, расположенной высоко в горах, царило необычайное оживление в связи с прибытием шотландской армии. Основная часть селения расположилась на склонах гор, откуда была прекрасно видна небольшая равнина, простирающаяся до самого моря. Деревушка представляла собой перевалочный пункт. Поскольку сюда постоянно прибывали все новые и новые воинские части на смену только что ушедшим, в самой деревне и в ее окрестностях было полно народу, многочисленные посыльные сновали из конца в конец, кто на пони, а кто и на своих двоих. Женщины, дети и те, кто следовал вместе с армией, заполнили все дома или обосновались прямо на улице, под стенами, греясь на появлявшемся время от времени солнышке, порой с младенцами на руках. Те, кто отправлялся на войну, расспрашивали посыльных о самых последних событиях на полях сражений.

Мы разбили лагерь на краю деревни, и Джейми послал Мурту узнать о месте нахождения лорда Джорджа Муррея – командующего армией, а сам спешно приводил себя в порядок в одном из домов.

Мой собственный вид оставлял желать лучшего. Хотя лицо не было вымазано углем, как у Джейми, на нем были серые, грязные потеки – свидетельство ночевки под открытым небом. Хозяйка дома дала мне полотенце и расческу, и я как раз сидела за ее туалетным столиком, борясь со своими непокорными кудрями, когда дверь внезапно отворилась и моему взору предстал лорд Джордж собственной персоной.

Его обычно безупречное платье потеряло нескольких пуговиц и имело неопрятный вид, одна подвязка спущена, шейный платок развязан, парик небрежно засунут в карман, а его собственные каштановые пряди торчат в разные стороны, как будто он яростно дергал за волосы сам себя.

– Слава богу! – воскликнул он. – Наконец-то я вижу нормальное лицо!

Потом он подался всем корпусом вперед, подозрительно разглядывая Джейми. Большую часть угля муж смыл, но серые ручейки текли по его лицу и покрыли черными пятнами

рубашку на груди, а уши, которые он в спешке забыл как следует вымыть, все еще были очень грязными.

– Что... – начал было лорд Джордж, но тут же умолк и несколько раз потрянул головой, как бы стараясь избавиться от наваждения, после чего продолжил разговор как ни в чем не бывало.

– Как дела, сэр? – почтительно осведомился Джейми, делая вид, что не замечает хвостика парика с ленточкой, выглядывающего из кармана лорда и виляющего, словно собачка хвостом, при каждом резком движении его светлости.

– Как дела? – эхом отозвался тот. – Ну что ж, я скажу вам, сэр! Она направляется на восток, затем на запад, половина ее спускается в долину, в то время как другая половина отправляется черт знает куда! Вот как обстоят дела!.. Она, – пояснил он, моментально успокоившись после вспышки, – это верная его высочеству шотландская армия.

Еще немного успокоившись, он стал рассказывать нам о событиях, происходивших в Траненте после прибытия сюда его армии.

Прибыв в Транент, лорд Джордж оставил большую часть людей, а сам с маленьким отрядом поспешил занять позицию на горном кряже, у подножия которого простирается равнина. Принц Карл, прибывший сюда чуть позже, был недоволен действиями лорда Джорджа и громко высказался по этому поводу в присутствии множества людей. Взяв половину армии, его высочество отправился на запад, к герцогу Перту, тоже считавшемуся главнокомандующим армии. Скорее всего, он сделал это, чтобы попытаться атаковать Престон.

Таким образом, армия разделилась, а его светлость Джордж вступил в переговоры с жителями деревни, которые знали окружающую местность намного лучше, чем его высочество или сам главнокомандующий. В это время О'Салливан, ирландский наперсник принца, принял решение перевести людей лохиельского Камерона в церковный двор Транента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.